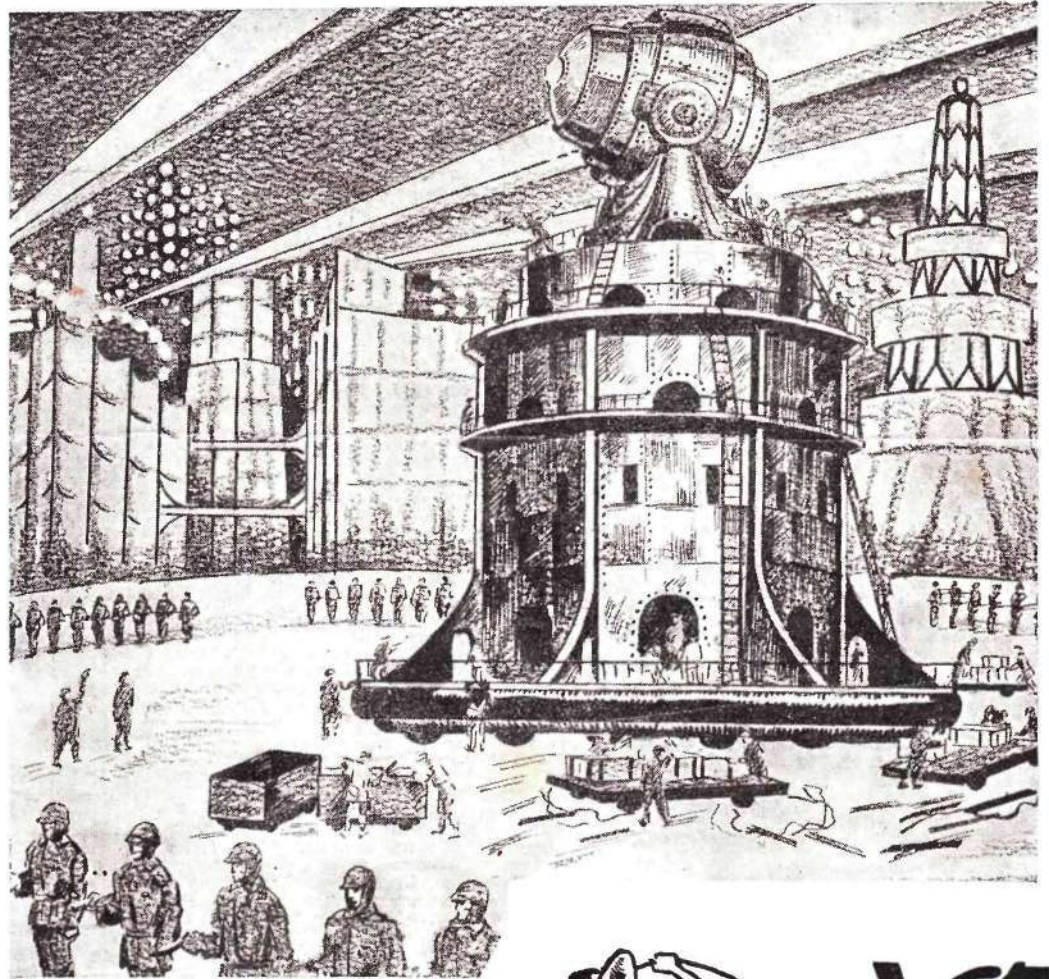
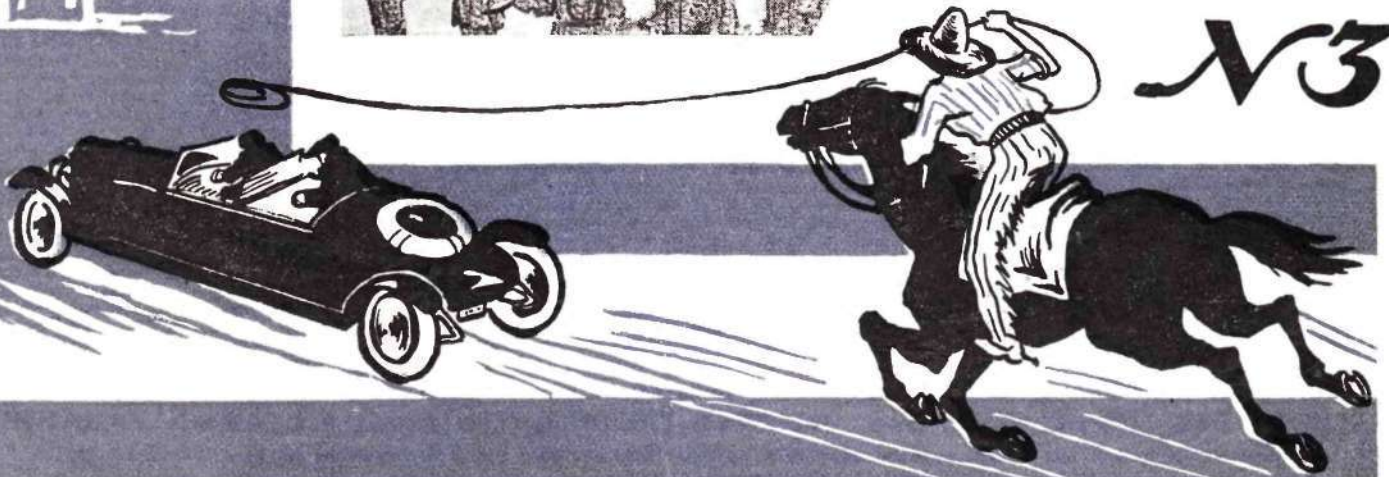

Вокруг Света

№3

Большой выбор книг вновь выходящих и старых изданий по всем отраслям знаний ПРЕДЛАГАЕТ книжный магазин

„НАУКА И ЗНАНИЕ“

ЛЕНИНГРАД, проспект Володарского, д. № 59/В.

Уд шевеленко в одиютом в шыоы л ются и л мюныым платюжюм полчыы оубр. ным промшюдыныи руюоык нмюст нны люо-юоюы.

Андреев — 17 кн. Ц. 5 р. пер. 7 р. Аксаков — 2 т., в пер. Ц. 5 р. Байрон — полн. собр., в роск. полукож. пер. 8 т. Ц. 12 р. Бальзак — полн. собр., 20 т., в пер. Ц. 22 р. Островский — полн. собр. соч. 12 т. изд. Просвещения, в пер. Ц. 20 р. Беряже — полное 1 т. изд. Волфа, в пер. Ц. 5 р. Боборыкин — 12 том Ц. 5 руб., в перепл. 4 руб. Бунин — 12 книг Ц. 2 руб., в перепл. 3 р. 50 к. Переслав — 10 кн. Ц. 3 р. 50 к., в перепл. 5 р. Кнут-Гамсун — 18 кн. Ц. 4 р. 50 к., в перепл. 7 р. Гаршин — полн. собр. сочин., в 1 т., в пер. Ц. 2 р. 50 к. Гауптвайн — 10 кн. Ц. 1 р. 50 к., в пер. 3 р. Гейне — 16 кн. Ц. 2 р. 25 к., в пер. 4 р. 50 к. Головкин, К. (К. Орловский) — полн. собр. сочин., 12 т., в пер. Ц. 18 р. Гюльке — 3 т., в пер. Ц. 4 р. 50 к. Горький, М. — издана. Маркса, 25 кн. (Лемакоченков). Без перепл. Ц. 7 р. Горбунов — 4 кн. Ц. 1 р., в пер. 2 р. Гончаров — 12 т., в пер. Ц. 10 р. Граббеков — издана. Маркса в 1 т. Ц. 2 р. Григорович — 12 том., в пер. Ц. 7 р. 50 к. Даль, В. (Казан. Луганский) — полн. собр. сочин., изд. Волфа, в 10 т., в пер. Ц. 10 р. Дамлевский — 24 т., в перепл. Ц. 8 р. Диккенс, Ч. — собр. соч., изд. Сойкина, 46 кн. Ц. 18 р., в пер. 25 р. Достоевский — 24 т., в пер. Ц. 18 р. Добролюбов — в пер. Ц. 6 р. Дюма, А. — полн. собр. сочин., изд. Сойкина, в пер. Ц. 50 р. Жуковский — 12 том. Ц. в перепл. 4 р. Канелин, К. — 4 том., в перепл. Ц. 7 р. Ибсен — 18 кн. Ц. 3 р. 50 к., в пер. 4 р. 50 к. Кольцов — в 1 т., изд. Акад. Наук. Ц. 3 р. Королевский — 27 кн. Ц. 6 р., в пер. 10 р. Де-Кастер — 8 кн., Ц. 75 к., в пер. 1 р. 50 к. Коалов — полн. собр. сочин., в 1 т. Ц. 1 р. Каплинг — полн. собр. сочин., 40 кн., в 5 перепл. Ц. 12 р. Куррия — 23 кн., в 9 т., полное собр. Ц. 12 р. Лесков — 36 кн. Ц. 8 р., в пер. 10 р. Лермонтов — полн. собр. сочин., в 1 т., в пер. Ц. 4 р. Его же — полн. собр., изд. Ак. Наук, 3 т. Ц. 10 р. Максимов, С. В. — полн. собр., 20 т., изд. «Просвещение», в пер. Ц. 15 р. Мамин-Сибиряк — 60 кн. Ц. 12 р., в перепл. 18 р. Михайлов, М. — собрание сочинений, изд. журнала «Пробуждение», 5 тома. Ц. 2 р. 50 к. Мари Тьян — полное собр., изд. Сойкина, в пер. Ц. 20 р. Майков — 8 кн. Ц. 1 р. 50 к., в пер. 2 р. 50 к. Мережковский — полн. собр., в пер. Ц. 50 р. Мельников-Печерский, Ц. 5 р., в пер. 8 р. Мей — 8 кн. Ц. 1 р., в пер. 2 р. Метерлине — 8 кн. Ц. 2 р., в пер. 3 р. 50 к. Миттельсон, М. П. — русск. язык и речь, опыт русск. фразологии, в пер. 2 т. Ц. 8 р. Мольер — 10 кн. Ц. 1 р. 50 к., в пер. 3 р. Его же — изд. Брокгауза, 2 т., в роск. полукож. пер. Ц. 12 р. Монасан — 13 т., пер. изд. Вулгатов. Ц. 20 р. Надсон — полное собр., 8 кн. Ц. 2 р., в пер. 3 р. Некрасов — 2 т., в пер. 10 р. Писарев — 6 т. в 7-8 томах, в пер. Ц. 10 р. Помяловский — 5 кн. Ц. 1 р., в пер. 1 р. 50 к. Прутков, Кузьма — т. I. Ц. 1 р. 50 к. Ренан — 12 т., в пер. Ц. 15 р. Рыдтес, К. Ф. — сочин. в перепл. изд. 2-го его дочери 1874 г., в пер. Ц. 2 р. Ростан — 3 кн. Ц. 1 р., в перепл. — 1 р. 50 к. Салтыков-Щедрин — 40 кн. Ц. 6 р., в пер. 10 р. Сержантес — («Дон-Кихот»), 10 кн. Ц. 2 р., в пер. 3 р. 50 к. Станюкович — 40 кн., в 12 т., в изд. тислен пер. Ц. 18 р. Теккерей — 12 т., в пер. Ц. 12 р. Толстой, Алексей — 12 кн., в 4 пер. Ц. 7 р. Толстой, Лев — полное собрание соч., в изд. Сытина, в простом перепл. Ц. 30 р., в издат. пер. — 40 р. Его же — собр. соч., в роск. золот. тисн. перепл. на веленовой бумаге со множества цветн. хром. на издельн. листах и рис. в тексте, изд. Сытина, 10 т. Ц. 60 р. Тургенев — 22 т., в перепл. Ц. 12 р. Тютчев — 3 кн. Ц. 75 к., в перепл. 1 р. 50 к. Уайльд, О. — 5 кн. Ц. 2 р. 50 к., в пер. 4 р. Успенский, Глеб — 28 кн. Ц. 4 р. 50 к., в пер. 7 р. Фет — 6 кн. Ц. 1 р. 50 к., в пер. 3 р. Чернышевский —

11 т. Ц. 10 р., в пер. 17 р. Чехов — 23 т. Ц. 8 р., в пер. 15 р. Шелли — полное собр. соч., в перепл. К. Вальмонта, в 3 т. Ц. 6 р. Шеллер-Михайлов — 50 кн. Ц. 8 р., в пер. 16 т.—13 р. Шекспир — изд. Гербеда. Ц. 8 р. Его же — изд. Брокгауза, в 5 т., в роск. полукож. пер. Ц. 18 р. Шидлер — иллюстр. полн. собр. соч. под ред. Венгеров, изд. Вральтауэ-Ефрон, 4 т. в роск. пер., вместо 32 р. — 13 р. Фоминский — собр. соч., изд. Маркса, в пер. Ц. 2 р. Якубович, П. (Мельшич, Л.) — 2 т. Ц. 1 р. 50 к., в пер. 3 р.

РОСКОШНЫЕ ИЗДАНИЯ БРОКГАУЗА.
«ПРОСВЕЩЕНИЯ» И ДР. ИЗДАТЕЛЬСТВ.
 Большая энциклопедия, изд. «Просвещение». 20 т., в полукож. перепл., вместо 120 р. на 40 р. Энциклопедия изд. Брокгауза и Ефрона, 82 тома + 4 дополнительных в полукож. перепл., вместо 240 р. на 100 р. Даль, В. Толковый словарь живого русского русского языка. Около 4000 стр., в роск. тисн. золот. переплете, в 4 томах. Изд. Вольфа, Ц. 30 р. Еврейская энциклопедия Изд. Брокгауза и Ефрон, 16 том., в хол. тисн. золот. переплете. Ц. 45 р. То же, на веленовой бумаге. Ц. 60 р. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и сопрягающ. с ним наук. Изд. Девриена 12 том., в перепл. Ц. 160 р. Техническая энциклопедия, в 8 том., в перепл. Изд. «Просвещение», Ц. 85 р. Азиатская Россия Изд. переселенческого управления, со множеством снимков, планов и рис., в роск. перепл., 3 тома и отдельно атлас. Ц. 35 р. «Аполлон» Худ.-литер. журнал, со множеством рис., грав., хромоиллюстр. Комплект 1910 г. по 1916 г. Все перепл. Цена 65 р. в перепл. 45 р. Бенуа, А. История живописи всех времен и народов. Мног. гравюр, фото-снимков, хромоиллюстр., 22 вып. Ц. 2 р. Гиркнер, Расы и народности человечества. 364 рис., 588 стр. Ц. 4 р. Боле, В. и Книпп, Ф. Сокровища искусства. Картины знаменитых мастеров и худож. фото-гравюр с медными досок. Изд. «Просвещение» Ц. 30 р. Большой всемирный атлас. Маркса. Гед. проф. Петри, 62 главных и 180 дополн. карт на 25 таблицах. В переплете Цена 15 р. Эрвусс, Р. Парство минералов Описание главных минералов и драгоцен. камней. 277 рис., 78 хромоиллюстр., 18 фотографий, в перепл. Ц. 20 р. Ван-Дейк. Монография. Тисн. Росса, с тол. гор. в пер. Ц. 20 р. Вермак. История искусства, со мног. хромо. иллюстраций и рис., 9 т., роск. перепл. Цена 20 руб. Иллари, Джироламо Саломарота и его время, в 2 т., со мног. рис. Ц. 8 р. Вольнский. Книга ликианый Азбука классического танца 61 рис., 330 стр. Ц. 3 р. Всемирная география. Изд. «Просвещение», под ред. проф. В. Синер, 6 т. и географич. атлас, всего 9 т., полукож. пер. Ц. 50 р. Вся природа. Изд. «Просвещение», в роск. полукож. пер., со мног. рис. в красках. Мейер. Мироздание, общед. астрономия. Ц. 5 р. Неймайер. История земли. 2 тома. Ц. 6 р. Мейер. Жизнь природы. 1 т. Ц. 6 р. Кернер. Жизнь растений. 2 т. Цена 6 р. Гааке. Происхождение животного мира. 1 т. Ц. 3 р. Брем. Жизнь животных. 3 т. Ц. 15 р. Ганке. Человек. 2 т. Ц. 6 р. Раппель, Народоведение 2 т. Ц. 6 р.; при выписке всес. 14 т., цена за все 45 р. Гете. Фауст, перев. А. Фета. Рис. Эп. Вейберта, Роск. изд. Маркса. Ц. 15 р. Гюндич. История искусства, со мног. хромоиллюстр., геллюграмм, фотографий, 3 т., в пер. Ц. 18 р. Грабарь, Иг. и др. История русского искусства, около 3.000 стр., т. I, II, III, V, VI (больше не выходило); роск. перепл. Ц. 40 р. Гюнттер. Происхождение и развитие человека. Путь развития от простого животного до человека. 2 т., текст и отд. атлас, 90 табл., отпечат. в красках, изд. Девриена, в перепл. Ц. 18 р. Иегер, Осв. Всеобщая история, свыше 2.500 стр., со мног. рис., карт и таблиц. Ц. на 4 т. в перепл. 10 р. История России в XIX в., изд. Гранат, ил. портр., рис., около 3.000 стр., 9 т., в пер. Ц. 50 р.; то же без перепл. Ц. 20 р. Кемисаржевская, Худож., альбом. «Солнце» Россия; моногр., со мног. снимков. Ц. 3 р. Корякин. Жизнь животных в фотографии с натуры. Общест. зоология. 1.164 рис.,

25 цветных таблиц, 2 т., в перепл. Ц. 15 р. Кругликова. Париж накануне войны. Альбом 20 худ. копий, 180 стр. текста, илл. перепл. Ц. 10 р. Лажис и Рамбо. История XIX века. Западная Европа в европейские государства. 6 т., в роск. перепл., изд. Гранат. Ц. 20 р. Лив, Г. История иквизиции в средние века (с доп. Ист. иквизиции в Испании). Мн. рис., 1.684 стр., 3 т., в пер. Ц. 1 р. Реальный словарь классической древности по Любкеру, 1.300 стр., в перепл. Цена 7 руб. Менабир, Охотничьи и промысловые птицы Европы: окол. России и Кавказа, в 2 т., с атласом, на 140 раскраш. табл., в перепл. Ц. 35 р. Москва в ее прошлом и настоящем, роск. иллюстр., изд., посвящ. памяти историка Москвы И. Забелина, около 1.500 стр., на вел. бум. Ц. 20 р. «Мужчина и Женщина», изд. «Просвещение», положение, в культурной жизни. Роск. изд. «Просвещение», мног. хром. и фото-иллюстр., рис., снимков, 8 т., роск. перепл. Ц. 25 р. Полевой. История русской словесности с древних времен до наших дней. Мн. цветных и черн. иллюстр., свыше 2.000 стр., 3 т., в перепл. Ц. 12 р. Пфлуг-Гарунг. Всемирная история от эпохи великих открытий до наших дней. Мн. карт, портр., рис., около 3.000 стр., при участии Л. Бакута, «Голубе и Вильборг». Множество хромоиллюстр., гравюр, 2 т., полукож. перепл. Ц. 30 р. Риганн, В. История Индии времен Риг-Веды. 1905 г. Ц. 5 р. Его же. История Индии, с отд. времен до возм. Халлеи. 1902 г. Ц. 4 р. Его же. История Ассирии. 1902 г. Ц. 3 р. Его же. История Мидии. 1905 г. Ц. 5 р. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас — 112 табл., рис. Ц. 25 р. Русский художеств. фарф. Обзоряч статей о гос. фарфоровом заводе под ред. Ч. Гоглербата и М. Фармаковского 12 хромотипий, 13 фотографии, 192 стр., Ц. 15 р. Светлов, В. Современный балет. Изд. при участии Л. Бакута «Голубе и Вильборг», мн. хромоиллюстр., грав., рис., илл. перепл. Цена 18 р. Солоньев. История России с древнейших времен. 29 книг, 6 т., с узав. Изд. «Общественные Пользы», перепл. Ц. 15 р. Старк, Эд. (Энгфрид). Шляпник, худож. монография, мн. рис. и снимков, в оригинал. перепл. Ц. 15 р. «Столица и Усадьба». Худож. журнал. Полный комплект, 90 ном., 1913—17 гг., мн. гравюр, снимков, фототр., хромоиллюстр. Ц. 50 р. Ста портреты деятелей русского искусства. Тисн. Н. Вральтауэ, на вел. бум. (Альбом в папке). Изд. Ланкина в Париже. Ц. 15 р. Суллов, Н. Акад. Памятники древнего русского водчества, изд. Акад. Худож., 7 вып. худож. гравюр, в особ. папках с текстом. Цена 50 р. Успенский, Ф. История Цивилизационной империи т. I (больше не выходило). 872 стр., роск. перепл. Ц. 9 р. Халодковская, П. и Силантьев, А. Птицы Европы. Практическая орнитология с атласом европейских птиц. О. Раскр. рис., 685 рис., 1901 г., в пер. Ц. 50 р. Яковсон, Г. Жук России, 83 раскр. рис., 1.024 стр., без перепл. 8 р., в перепл. 11 р. Яремич, С. Врубель. Жизнь и творчество. Худож. моногр., изд. Кнебель, Ц. 6 р.

РАЗНЫЕ ремесла и производства.
 Тараканов. Альбом рисунков для выпиливания по дереву. Ц. 4 р. Певцов, А. Х. Глиняные изделия (керамика). 100 рис. Ц. 3 р. Ротт. Художественная керамика. Ц. 2 р. 50 к. Колбасное производство с раскраской. табл. 2 т., цена вместо 7 р. 50 к. на 5 р. Шепетьев, Л. Механическое охлаждение. (Холодильники). Ц. 2 р. Ванков, О. П. Постройка ледяных, ледохранящих и изготовление искусственного льда, с 92 рис. Ц. 1 р. Клейн, О. Выделка искусственной пробки. Ц. 25 к. Федорова, П. А. Чернила, приготовл. различн. сортов — 75 к. Махаев. Прокт. руковод. и изготовл. коряночных изделий и плетеной мебели, с 238 рис. Ц. 1 р. Махаев. Большой альбом рисунков коряночных изделий и плетеной мебели. Ц. 3 р. Григорьев. Малирное дело, с 32 рис., изд. 1928 г. Ц. 1 р. Серебряков, Г. С. Экипажно-малерное производство, с 28 рис. 30 к.

Громадный выбор книг по всем отраслям техники, литературы и всем др. знаниям прежних и новейших изданий.

ЦЕНЫ БЕЗ ПЕРЕСЫЛКИ. *** ИМЕЕТСЯ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР СТАРЫХ ИЗДАНИЙ.

Заказывать можно все книги, опубликованные и другими московскими и ленинградскими магазинами по их ценам.

Книги вышлются в радиосенки: платежом БЕЗ ЗАДАТКА. Свыше 10 рублей необходим вздаток 25% стоимости заказа.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Лер., Фонтанка, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.
Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 3

1928 г.
ЯНВАРЬ
22

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Содержание: * * * *Быстрее всех.* — М. Соскутов. „Хонец Варнавского скита“ — Л. Ж. Ж. „Стальной замок“ — (Окончание). — О'Гарди. „Бочка рому“. — Р. Гардинг. „Великолепно задумано“ * * * „Как едят различные народы“ и др.

Стучат молотки, визжат пилы и станки по всему широкому Советскому Союзу. Сегодня на «Скорходе» заменяют новыми 10 старых станков, завтра на Сорновском обновляется мастерская, где-то в глубине Приволжья строится Балахна, в ряд с Волховостором готовятся встать Свирьстрой и Днепрострой и так далее и далее без конца...

Стройка вошла в наши будни. Прошли дни, когда подметенная улица, выбеленная стена, вставленные стекла празднично радовали взор, уставший от грязи, мусора и разрушений. Все кажется простым и естественным, как весенний засев поля, как жатва осенью.

Перед нами все та же широкая, необъятная бездорожная отсталая страна, где богатства под ногами, где все обильно, но хаотично, беспорядочно, и самое главное удручающе бедно!

Все еще недосыпаема обработанная, обкультуренная, заостренная и упорядоченная Европа, и как блестящая, звонкая, залитая электричеством сказка, маячит перед нами Америка с 50 этажными домами, фордовскими заводами, с автомобилем на каждые 7 человек, с одним местом в кино на 2 человека, с гигантскими машинами, аэропланами, пароходами, трехэтажными улицами и Ниагарами, превращенными в источник энергии.

А между тем мы живем в необыкновенные дни, когда население 1/6 части земного шара, с беспремерным увлечением, часто с энтузиазмом и с беспремерным успехом, превращает свою страну из запустелого, бедняцкого, полу-азиатского угла в государство величайшей культуры и благосостояния.

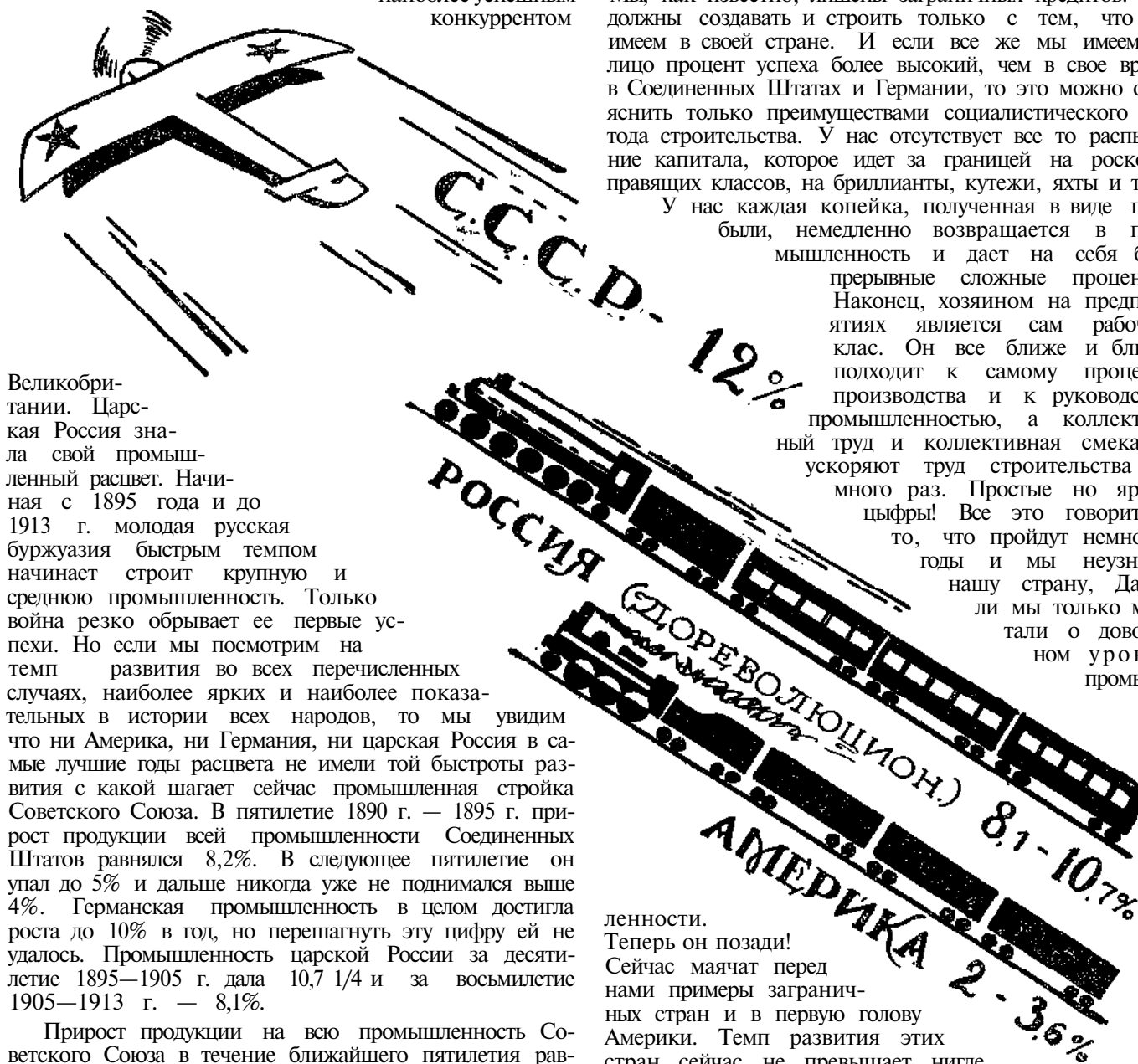
Есть не мало горячих голов, которые сквозь пыль стройки, работая без устали видят ежечасно «железную башню» будущего: индустриализованную Сибирь,

российскую деревню с электрическими быками, сельскохозяйственную фабрику от Черного до Балтийского моря, победу культуры и техники, для которой кладется сейчас серый, солидный, пока еще не блестящий фундамент. Но многие не внимательны к цифрам. Скромным цифрам, содержащим в себе будущее нашей страны! Понимать эти цифры нас учит история и великий диалектический метод, лезвие которого с равным успехом пронзает мрак прошлого и будущего.

Тысяча восемьсот восьмидесятые годы. Северо-Восточные промышленные штаты, победив плантаторский юг, и протянув шупальцы на Дикий Запад, готовятся к промышленному и финансовому захвату всей страны. Прежде всего, идет подготовка к гигантскому прыжку, — огромная, широко развернутая парламентская борьба. И вот в 1888 г. ставленник промышленников, Гаррисон, становится президентом. Протекционистская система торжествует. Цельный ряд законов один другого определеннее и строже отделяют Соединенные Штаты тарифной стеной от всего мира. Ввоз в Америку промышленных товаров прекращается и вся огромная, тогда уже богатая страна, отдается в распоряжение национальной буржуазии. На базе такого богатого рынка эта буржуазия, не стесняемая конкуренцией, совершает чудеса. Растут заводы и фабрики, поселки превращаются в огромные промышленные центры, миллионы текут золотой струей в карманы фабрикантов и предпринимателей, и победное шествие американской промышленности и техники продолжается вплоть до наших дней, когда эта страна бесспорно является самым богатым государством мира, всесветным кредитором, страшным соперником Европы и Японии на рынках всех пяти частей света.

Такой же быстрый блестящий расцвет пережила в начале нашего столетия другая страна, Германия.

В 80-х годах ее внешняя торговля оцениваемая в 5 миллиардов марок, в 1891 г. — 7 миллиардов марок, в 1902 г. — 11 миллиардов марок, в 1907 г. — 17 миллиардов марок, в 1912 г. — 21 1/4 миллиардов марок. И тут те же пути: в 1879 г. Бисмарк проводит тариф, закрывавший германский рынок целиком для иностранной конкуренции в главнейших отраслях промышленности. И после этого начинается расцвет германской промышленности, которая скоро выступила наиболее успешным конкурентом

Великобритании. Царская Россия знала свой промышленный расцвет. Начиная с 1895 года и до 1913 г. молодая русская буржуазия быстрым темпом начинает строить крупную и среднюю промышленность. Только война резко обрывает ее первые успехи. Но если мы посмотрим на темп развития во всех перечисленных случаях, наиболее ярких и наиболее показательных в истории всех народов, то мы увидим что ни Америка, ни Германия, ни царская Россия в самые лучшие годы расцвета не имели той быстроты развития с какой шагает сейчас промышленная стройка Советского Союза. В пятилетие 1890 г. — 1895 г. прирост продукции всей промышленности Соединенных Штатов равнялся 8,2%. В следующее пятилетие он упал до 5% и дальше никогда уже не поднимался выше 4%. Германская промышленность в целом достигла роста до 10% в год, но перешагнуть эту цифру ей не удалось. Промышленность царской России за десятилетие 1895—1905 г. дала 10,7 1/4 и за восьмилетие 1905—1913 г. — 8,1%.

Прирост продукции на всю промышленность Советского Союза в течение ближайшего пятилетия равняется 12% и в крупной промышленности даже 15%. Таким образом, наша страна сейчас бьет все мировые рекорды по скорости развития промышленности. Мы так же отгораживаем нашу страну запретительным законом но это мы делаем не только для уменьшения конкуренции нашей промышленности. Для капиталистов тарифные заставы — это страховка в погоне за нажи-

вой, это путь к максимальной эксплуатации масс. Мы оберегаем нашу промышленность пока она еще не развалилась и не окрепла, еще и потому, что иначе к нам хаотически ворвался бы иностранный капитал и дело социалистического строительства было бы сорвано.

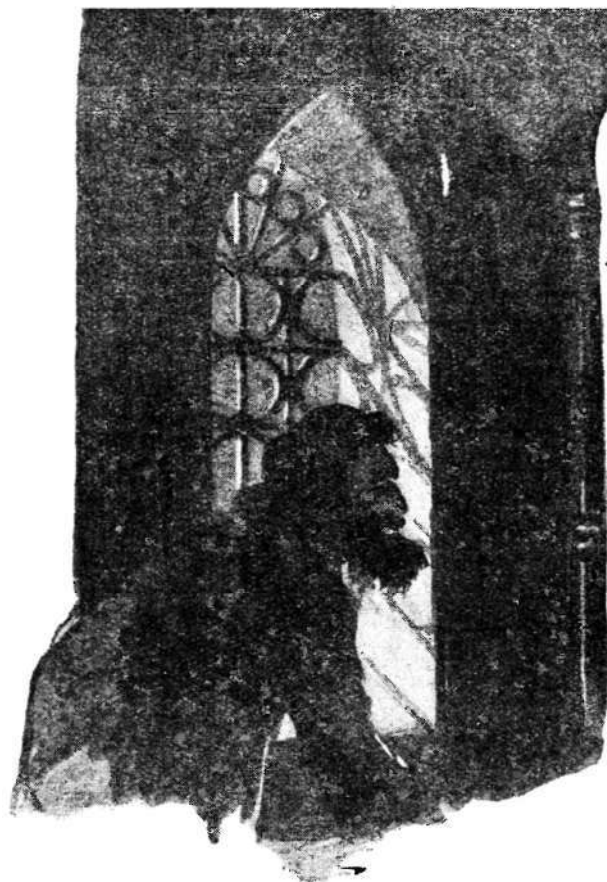
Строить нашу промышленность нам приходится далеко не в лучших условиях. И Соединенные Штаты, и Германия создавали свою крупную промышленность в условиях широкого притока иностранного капитала. Мы, как известно, лишены заграничных кредитов. Мы должны создавать и строить только с тем, что мы имеем в своей стране. И если все же мы имеем на лицо процент успеха более высокий, чем в свое время в Соединенных Штатах и Германии, то это можно объяснить только преимуществами социалистического метода строительства. У нас отсутствует все то расплывчатое капитал, которое идет за границей на роскошь правящих классов, на бриллианты, кутежи, яхты и т. п.

У нас каждая копейка, полученная в виде прибыли, немедленно возвращается в промышленность и дает на себя беспрерывные сложные проценты. Наконец, хозяином на предприятиях является сам рабочий класс. Он все ближе и ближе подходит к самому процессу производства и к руководству промышленностью, а коллективный труд и коллективная смекалка ускоряют труд строительства во много раз. Простые но яркие цифры! Все это говорит за то, что пройдут немногие годы и мы узнаем нашу страну, давно ли мы только мечтали о довоенном уровне промышленности.

ленности.

Теперь он позади!

Сейчас маячат перед нами примеры заграничных стран и в первую голову Америки. Темп развития этих стран сейчас не превышает нигде трех-четырёх процентов. Мы идем в 4—5 раз быстрее. На проценты нарастают сложные проценты. Скоро останутся позади европейские уровни, а в свое время минувем мы и американский. Это будет лак, это неизбежно, за это говорят цифры, которые показывают, что мы идем быстрее всех.

1. *Странный дом и вещи, происшедшие между его прошлым и будущим.*

Оранжевая луна, старая знакомая профессора Гиршка, показалась через окно на небосклоне.

Маляр Данила окунул большую кисть в синюю краску и стал замазывать бледные ноги божьей матери. Крутом стоял вечер и темнота ложилась в дальних углах.

— Нет! — сказал профессор Гиршк, спускаясь по лестнице. — Я не люблю политики. Я люблю созвездие Козерога и планету Сатурн со всеми его кольцами. И, вообще, дела земли мне нужны только для того, чтобы отдаваться изучению неба. Вы простите, что я — астроном...

— Пожалуйста! — ответил Андрей Желоб. — Это не порок. Но я думаю, профессор, что специальность не может мешать общественным интересам. Вы — астроном, а я — бывший переплетчик...

Мимо прошел маляр, унося синие ведерко, и два человека остановились, чтобы посмотреть на стену, пахнущую свежей краской. На одном карнизе во всю стену, тянулась надпись славянскими буквами: «Храм мой храм молитвы наречется». А на другой белело: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация». Большой зал являл собою странную картину. Перед высокими и очень узкими готическими окнами стояли ряды скамеек. Потолок, где находился очевидно купол, был заколочен балками и досками.

Маляр подошел и сказал Желобу, закручивая цыгарку:

— Один апостол Петр остался. Завтра, товарищ завклуб, замажу последние божественные лозунги. Церкви, смотри, и не узнать будет. А я... — здесь у Данилы выпала цыгарка из рук, и он изумленно взглянул на дальнюю колонну. — Это — чертовщина, извиняюсь... Со святым Варнавой...

Маляр смущенно ткнул рукой в стену, откуда смотрела строгая и седая голова святого. Ноги-же и туло-

КОНЕЦ ВарнаВского СКИТА

Рисунки

Рассказ М. Лоскутова.

И. Королева.

више священной фигуры были замазаны густой краской. Маляр указал на голову:

— Святой Варнава!..

— Ну, и что-же тут удивительного?!

— Я его вчера покрасил... Вчера только. А он опять появился... Может быть, такая охра ерундовская пошла нынче. Сошла.

И Данила пожав плечами, подтащил к стене ведро с краской и вновь вооружился кистью.

— Кстати! — сказал Желоб, хватая профессора за рукав. — Странный случай с Варнавой напомнил мне то, что я обнаружил среди монастырского барахла... Пойдемте в мою келью, я вам покажу.

Откуда-то снизу, из узких и сводчатых коридоров, часы прохрипели двенадцать раз.

— И вот, вы не чувствуете, — произнес Желоб, наклоняясь лад своим маленьким столиком, — как это странно... и великолепно! Две сотни лет здесь, в этих помещениях, и кривых коридорах, хрипят, быть может, эти-же самые часы. Только какая разница! Тогда здесь торчал монастырь, а теперь в эту обитель мы всаживаем университет. Век назад в этой дыре царил мрак и совершались преступления...

— Все это так, но покажите вашу находку! — ответил профессор.

Комнатушка была похожа на внутренность старой кареты. А на ее деревянных стенах лежала пыль, и по низкому потолку пробегали трещины.

— Какой-то из длиннопопых владельцев этой клетки, — произнес Желоб, открывая сундук, — не думал, наверное, оставить в наследство члену компартии и старому кавалеристу эту штуку...

Желоб вытащил груды пыльных предметов. Здесь была деревянная икона, пузырек с жидкостью, кусочек дерева и исписанная и рассыпающаяся тетрадь.

— Вот. Очень любопытная вещь. Биография святого и его монастыря.

На обложке было четко выведено: «Жизнеописание пресвятого старца и мученика Варнавы и история его монастыря. От лета 1684 г.».

— Здесь описывается, как святой бездельник жил на этом месте в пещере, кушал яблоки и носил железные вериги в качестве одежды. Потом исчез. Его сподвижники умирали здесь от поста и лишений. А здесь построен монастырь, ВарнаВский Скит, как его здесь называют, и в этом храме умерло четыре монаха за грехи и невыполнение обетов... Это там, где мы университетский клуб устраиваем, — кивнул головой Андрей. — Да! И будто их грешные души долго выли под куполом. То есть, на месте вашей астрономической и метеорологической обсерватории. Может быть, вы закурите, профессор?... Бедные души...

— Нет, спасибо. Я курю только собственный табак. Привычка.

В это время внизу что-то упало, и стук гулко разнесся, отдавшись вверх. Профессор взглянул на дверь.

— Должно быть, маляр. Хотя он давно ушел, и сейчас пол-второго. Тысяча чертей и тридцать три дивизии!.. Наверное, плохо поставил лестницу... Да, а Варнава, будто-бы, скрылся только юридически, посещая все время и, конечно, по ночам, монастырские коридоры, звеня цепями...

Желоб прервал рассказ и закурил папиросу в то время, когда за окном, на далеких крышах и, вместе с тем, где-то близко, раздался шум. Профессор и Андрей вздрогнули и посмотрели за окно. Там расстилалась гряда крыш пристроек и келий, лепившихся друг к другу, и возвышался купол собора. Все это было облито лунным светом. И было тихо.

Профессор рассеяно взглянул на Желоба и привычным жестом запустил руку в седую бороду.

— Э-э-э... Странно, очень странно! — произнес он.

— Что странно?

— Что мы занимаемся пустяками, а ведь мне нужно быть сегодня в обсерватории. — Профессор встал. — Простите. Нет, я не курю готовых папирос. Такая привычка.

Но в эту ночь ему не пришлось заниматься в обсерватории. Монастырь, построенный на костях монахов, сыграл с профессором первую странную штуку.

Утром в двери просунулся встревоженный маляр и сообщил, что он вчера вторично замазал изображение Варнавы, но сегодня святой опять появился. И что ему, маляру, все равно, если и святой даже каждый день будет появляться, и что он, маляр, даже больше зарабатывает на этом. Но у стенки валяется, как труп, старый профессор, раскинув руки по полу монастырской церкви.

II. Многозначительная галоша.

Он не был трупом.

Его привели в себя и он сел, тяжело дыша.

— Когда я проходил, что-то, понимаете, упало на меня сверху... Или кинул кто этот кусок карниза. Но, скорее всего, упало.

Профессора увели. Здесь взгляд Желоба упал на предмет, одиноко чернеющий на полу. Это была галоша.

Завклуб поднял ее.

— Кому она могла принадлежать? Из наших — никому. А профессор говорит «упало». Странно!

Андрей Желоб двигался по залу и по коридорам, закинув руки за спину, со смутным чувством того, что в монастыре как бы присутствует кто-то, чьи намерения странны и непонятны. Что, может быть, кто-то сейчас ходит впереди его, между потемневших картин и старых стен или стоит за колонной, тихо и неведомо. Желоб поднял огарок свечи, валявшийся у стены:

— Ведь, вот. может быть, это «им» или «ими»

брошено здесь. Из нас никто не носит здесь свеч. Но какой это дьявол? Какой это дьявол? — повторил он вслух, плюнул — и эхо отдалось у потолка.

У стенки валяется, как труп, старый профессор...

В ответ из-за стенки бывшего иконостаса ему слышался тихий и придушенный звук, как бы старческий, ехидный смех. Завклубом остановился.

— Тридцать три дивизии... и тысяча чертей! Или я сплю...

Он прыгнул на подмости. Там, за стенкой, было пусто. Потом за следующим углом стукнула рама. Желоб произнес:

— Эй! Если здесь кто-нибудь есть, так довольно торчать. Выходи! Затем для эха добавил:

— О-го-го!...

И пошел спать.

Его разбудили в восемь часов вечера, сказав, что пришло заседание. Молодые студенты сидели на скамьях перед выкрашенным алтарем и наполняли зал разговорами:

— Товарищи!— сказал чернобородый тов. Валицкий с трибуны. — Через неделю начнутся занятия, а после завтра намечается в этом помещении открытие клуба.

Эхо отдалось над потолком. Желоб вспомнил галошу. Валицкий поднял руку.

— Товарищи...

Здесь сразу потухло электричество. Докладчик умолк. Кто-то свистнул и сказал, что перегорела пробка.

Желоб пошел вверх выяснять. Прошло пять минут, пока он вернулся со свечей в руках. Все посмотрели на него, ожидая ответа. Желоб покачал головой и подошел к Валицкому:

— Слушай! Пусть лучше разойдутся. В темноте не стоит заседать. Я... я, видишь-ли, не знаю что может произойти...

— В чем дело? Что такое?

— Ничего! Тут хуже, чем пробка. Кто-то срезал провод. А ты останься, и пусть еще кто-нибудь из ребят, хотя бы Грин.

И он вскочил на скамейку рядом с колыхавшейся свечей.

— Товарищи! Кто-то уже пытается сорвать нашу работу. Мы сейчас разойдемся. Но мы отобьем охоту у тех, кто практикует эти штуки! Да!...

Он сказал это громко, через головы, как бы для того, чтобы услышал кто-то, находящийся в темноте.

Валицкий, веселый и низенький Грин, громадный Фирман и Желоб поднялись в келью и стали рассматривать галошу, иллюстрирующую рассказ завклуба.

— Если храм посещает какой-нибудь святой, то галоша оставлена им. Хотя вряд ли святые носят этот номер галош! — сказал Грин.

— Без шуток, товарищи! Надо попытаться накрыть голубчиков.

Они спустились вниз и сели трое за бывшим престоном, отодвинутым в угол собора, а Грин в другом углу.

— Теперь запасемся терпением и будем смотреть, что произойдет.

— Чувствуйте себя так, будто у вас отрезали языки! — добавил Грин.

Замолчали. Часы пробили одиннадцать. В тишине, через десять минут со стороны Грина послышалось тихое рычание.

— Что это?

— Это моя душа уходит в пятки! — сообщил Грин.

— Прекрати свои шутки, идиот!

Ровно через полчаса, когда у четырех человек отекли ноги, раздался шум где-то сверху. Потом сразу начали падать предметы. Из-за угла, где собраны церковные чаши и подсвечники, они чем-то грудой подбра-

сывались вверх и падали с грохотом. Затем чья-то рука задымило кадило и ее звенящая чаша стала качаться в воздухе, как на церковной службе.

Из угла Грина раздалось тихое и еле слышное:

— А-ап-чхи!..

Желоб схватил Валицкого за рукав.

Но кадило продолжало качаться. Потом повторился шум в разных местах, а далекий и глухой голос вдруг затянул что-то церковное. Слова только потом стали различаться, гнусавые и негромкие слова церковной службы:

— И ныне, и присно, и во веки-веков.

— И когда голос, грубо и басисто, протянул «ами-и-инь!», из-за угла раздалось на весь храм печальным церковным напевом:

Отец благочинный
Пропил тулуп овчинный
И ножик перочинный
У-ди-ви-тель-но!..

И четыре фигуры вскочили с мест.

— Следующий номер программы—крещение Иоанна, или избание младенцев!..

Кадило упало, и чья-то тень проскользнула в сторону. На нее навалился громадной тушей Фирман, так что затрещали чьи-то кости. Но когда подоспели остальные, Фирман отлетел в сторону, получив удар в живот. Кто-то вскочил на помостки и бросился к окну. Фирман почти нагнал его и ударил доской. Убегающий вскрикнул дико и выпрыгнул в окно. Фирман бросил в догонку доску и плюнул. Потом обернулся и сказал басом:

— Концерт окончен!

* * *

У профессора вошло в привычку видеться с Желобом каждый день.

Но так как в этот вечер он не был, то навестил комнату завклуба на другое утро.

— Знаете... э-э-э... Погодка совсем недурная нынче. И сел на кровать.

— Выйдемте погулять! — сказал Желоб. — Кстати, есть дело.

Когда они обошли монастырь, Желоб наклонился над садовой дорожкой, потом вынул из кармана галошу и примерил по следу, оставленному кем-то в грязи.

— Так и есть. Здесь прошел человек в одной галоше. Он оставил тогда впопыхах вторую.

Они пошли по следу. Он вел их в сторону, к реке, через какой-то большой огород, и потом пропал. В стороне, саженой за двадцать, примостилась будка, а у дверей стоял высокий человек в колшевой рубахе. Профессор с Желобом подошли ближе.

— Вы не здешний, гражданин? Кто вы?

Человек спокойно стоял все в той же позе и только посмотрел злыми глазами на завклуба. Потом ответил: — Я сторож здесь. А чего?

— Ничего!

И завклубом с профессором зашагали дальше, к реке.

— Какие у него черные и злые глаза! — сказал профессор,

— Ничего! Если даже этот человек, — ответил Желоб, — пытался ограбить монастырь, то пускай. Он больше никогда не попытается. Кончим с этим. Так вы говорите, не интересуетесь, политикой и социальной борьбой... Тогда давайте, поговорим на другую тему.

Дошли до обрыва небольшой реченки, текущей среди кустов,

— Нет, не интересуюсь! — ответил профессор, отходя поодаль и садясь на пригорок. — Только небом. Вот через полчаса я буду смотреть на луну...

— Ну, это — ваше дело, конечно! — крикнул ему Желоб. — Но вам следует подумать. Все течет, как волны Ниагары! И вы, я думаю, современем измените свою точку зрения.

Профессор поднялся, чтобы уходить, будучи уже одной ногой на небе.

— А с этим мы покончим, — сказал Андрей, вынимая галошу. — Мы им так отобьем охоту продельвать свои эксперименты, что они больше никогда не сунут носа. Будьте спокойны. И она может успокоиться.

И он швырнул галошу в воду. Она завертелась в воде, потом окунулась и тихо пошла ко дну.

3. Внеочередное явление в астрономии.

Профессор Гиршк погрузился вместе со своей седой бородой в звездные волны космических движений.

Свет Юпитера не освещает мелких вопросов. И миллионами километров исчисляется расстояние от ближайшей планеты до... клуба «Красный Студент». Впрочем, что за чепуха! Профессор сейчас не хочет заниматься этим.

Через час лунный свет и мертвая тишина окружали всю громаду монастыря святого Варнавы. И только наверху, над кельями и пристройками, за решетчатым окном купола горел свет. Здесь напряженно согнутая спина профессора говорила о том, что сейчас дела, происходящие вокруг него, его меньше всего интересуют. Он вооружился малым телескопом и рассматривал луну, только-что подымающуюся над горизонтом.

В это время где-то внизу часы прохрипели двенадцать раз. Профессор вспомнил, почему-то ту ночь у завклуба, вздрогнул и оторвался, от телескопа. И почти одновременно ему почудился осторожный стук на крыше. Профессор подбежал к окну, но не увидел ничего, кроме пустых крыш, озаряемых ровным лунным светом, и верхушек деревьев, гнувшихся от ветра.

Беспокойство было только минутой. Оно рассеялось у телескопа, и профессор скоро все забыл.

Некоторыми астрономами выдвинута теория относительно существования нового потухшего спутника Земли. Он находится ближе, чем луна... Очень интересно получить данные, подтверждающие эту теорию. Сегодня комбинация расположения земли и луны, в соотношении с планетой-иксом, очень благоприятна в звездной карте...

Но профессор опять вздрогнул и вскочил. Потом опять посмотрел в телескоп с волнением, как если-бы он узрел движение на луне. Но он увидел даже не новую планету.

В планетный мир ворвалось нечто, совершенно непредусмотренное небесной картой.

В телескопе вдруг показалось человеческое лицо, с злыми и черными глазами, совсем как у того человека, которого они встретили у сторожки. Этот человек был одет во что-то чернее, развевающееся по ветру.

Профессор Гиршк смотрел в телескоп и не мог оторваться. Тогда странное лицо вдруг исказилось негодованием и показало профессору язык. Потом человек помахал кулаком и скрылся.

Все это было так странно и дико, что в первую минуту профессор единственно, что мог сделать, это — укунить себя за язык и попытаться оторвать свою бороду. Потом он опять бросился к окну.

— Какое расстроенное воображение! — сказал он ветру.

В это же мгновение слева, за углом крыши, мелькнуло что-то черное. Старый профессор с решимостью юноши вылез в окошко, к которому была приставлена лестница. По ней он добрался до крыши и добежал до угла, за которым скрылся черный хвост. За углом, по железу, явственно застучали шаги, а за следующим углом опять мелькнуло черное, шаги же остановились. Профессор ринулся дальше, крича в пространство:

— Послушайте!.. Остановитесь. Гражданин... или планета! Кто-бы вы ни были.

Но шаги достучали до следующего поворота и там остановились. Было похоже, будто они нарочно заставляли бежать за собой. Пробежав несколько шагов, профессор увидел, как черное «нечто» нырнуло в люк, ведущий в бывший алтарь — сцену клуба.

— Знайте, что у меня очень твердая натура! — произнес профессор. — И я добыюсь своего, чего-бы это ни стоило.

С этими словами он спустился на чердак, а оттуда в темную дыру под подмостками, решив, что если убегающий спустился в нее, то, значит, там есть что-либо вроде лестницы. Конечно, вот он и нащупал ее, и уже сделал три шага по лестнице, как она под ним закачалась, и профессор полетел вниз.

Упал он на груды сукон для сцены и, взявшись за ушибленную ногу, подошел к выключателю и включил свет.

В зале было совершенно пусто.

Взгляд профессора скользнул по стене, увидел свежее пятно на месте святого Варнавы, потом странную тень из-за колонны, идущую на стену. Она необычно выделялась из других мертвых теней тем, что медленно наклонялась вперед и ее подобие головы, как-бы падало вниз.

Профессор озадаченный тенью, осторожно зашагал к колонне, не спуская взгляда со стены. Тогда тень стала двигаться вдруг быстрее и обогнув колонну, остановилась на следующей стене. Теперь она напоминала как-бы профиль строгого и бородатого монаха.

Профессор также обогнул колонну и подняв с полу тяжелое кадило, направился к следующей колонне.

Тогда тень поднялась и быстро взметнулась по стене.

4. пойманная тень.

Тень молчала.

Тогда профессор произнес:

— Довольно играть в прятки. Вылезайте, не бойтесь.

— Конечно, довольно! — ответил грубый голос; Я и не думаю бояться. Сдавайтесь лучше по добру.

И тень двинулась навстречу профессору. Она согнулась и прыгнула вперед. Профессор тоже подвинулся и крикнул:

— Кто вы, и зачем вы здесь?

Тень подняла руку.

— Именем господи бога и всех небесных сил!..

— Уважаемый! — прервал профессор, подняв голову. — На небе ничего нет, кроме планет и звезд разных величин. Есть звезды горящие, а есть потухшие, как, например, звезда Ориентус...

— Чорт бы вас побрал с вашим Ориентусом! — пробормотал голос недовольно. — Во всяком случае вы мне здорово мешаете каждую ночь, торча под этим куполом.

И тень шагнув, отделилась от колонны.

Высокий монах в черной одежде, с бледным, худым лицом смотрел на профессора, черными и злыми глазами. Ноги монаха были босы, а в руках он держал тяжелый железный болт. Профессор отскочил и с ми-

нута они смотрели друг на друга. Потом профессор произнес:

— Сперва обойдемся без насилий. Бросьте в сторону это... вещественное доказательство.

Монах смотрел. Он только смотрел, и его глаза горели. Потом он медленно поднял руку и замахнулся болтом. Профессор отскочил за колонну. Болт ударившись в стену, зазвенел по полу. Потом неожиданно босые ноги затопали по полу и профессор увидел, как монах скользнул в дверь.

— Остановитесь, — крикнул профессор, спеша за противником.

Он побежал за ним, на ходу уговаривая остановиться.

Они вбежали в темный коридор, потом убегающий завернул налево. Профессор знал, что в лабиринте

тоже сел на кирпичи. Потом грубый и злобный голос прохрипел:

— Ну, можете попробовать убить меня.

— Странно, — ответил профессор — почему я буду вас убивать?!..

И тень шагнув, отделилась от колонны.

Потом он решил, что нужно хотя бы осветить то непонятное и нелепое положение, в котором они очутились. Он вытащил спичку и зажег. За два шага перед собой он увидел злобное лицо.

— Кто вы такой?

— Будто вам не все равно. Я единственным и последний монах Варнавского Скита. Я жил здесь один, когда в этих коридорах гулял только ветер, и жил когда сюда стал перебираться ваш, этот... университет...

Наступило опять молчание. — Потом профессор приподнялся и произнес, кидая кадило:

— Знаете, мы можем выйти. Если вы монах.. Я знаете-ли этим мало интересуюсь... И вообще это не мое дело.

монастырских коридоров — этот переулок имеет только один выход — тот, в который они вошли. Коридор к концу все суживался и превращался в нитеобразный тупик. Потолок спускался ниже, и нужно наконец было стать чуть-ли ни на четвереньки, что-бы продвигаться вперед.

Спереди осторожные шаги стали замедляться

— Чем это кончится? — подумал профессор.

Беглец остановился и замер. Его не было видно, но слышалось его тяжелое дыхание совсем близко, что казалось можно было-бы достать его рукой. Профессор

И профессор попятился назад. Монах сидел — минуту неподвижно, потом медленно полез к выходу.

Профессор вышел в зад, потом в дверь просунулся монах и недоверчиво посмотрев минуту, вошел.

— Пойдемте ко мне наверх, — предложил профессор, чтобы рассеять молчание. — Это все очень интересно.

Монах вдруг ловко изогнувшись, как кошка, пробежал в сторону и поднял болт.

— Идемте. Но так мне будет безопаснее от вашего вмешательства.

— Так зачем вы все таки здесь? — спросил профессор, входя в обсерваторию.

— Я решил мстить! Мстить за ваши плакаты, за отца игумена, за все то, что вы разорили! Я карающая рука церкви...

Монах схватил профессора за руку и наклонился к его лицу. Его глаза, глаза фанатика, опять сверкали и злобствовали.

Профессор ходил по комнате, нервно теребя бороду.

— Ну, вряд-ли, знаете, вам этот ваш план удался бы... Вам нужно спокойно удалиться, чтобы не мешать другим жить... Никто за вами не пойдет... Так. Ну, а что это за истории, соображением Варнавы и прочие фокусы, напр., хворост внизу у колонн?

— Хворост? — Извольте — ответил монах язвительно, остановившись у двери, — Что-бы сжечь этот дом.. Я решил — раз не нам, то и не им!

Здесь уже вскочил разгорячившийся профессор.

— Сжечь?! Так ведь здесь — университет! Вы — безумец, кашалот...

— Конечно, ругайтесь вволю, если вам хочется, но я не могу иначе...

И они оба зашагали по комнате, один навстречу другому, как два маятника, — профессор — дергач бороду, а монах — заложив руки за спину и шлепая босыми ногами. Они на-ходу обменивались фразами.

— Вы пришли разрушать то положение вещей, при котором единственно возможен рост культуры, прогресса... э-э-э... как это говорится... и прочий расцвет.

Вы против нашего университета, который строится на месте вашего...

Профессор взглянул на монаха. Тот ходил, сторбившись.

Потом профессор остановился и произнес:

— А знаете, — я вам не завидую. Вам остается один худой конец. Если вы тверды в своем мнении, то... э-э-э... вам ничего не остается делать. Вам не удастся провести свой план разрушения. Я уж не знаю, право...

Монах посмотрел внимательно на профессора и молча кивнул головой. Потом он вдруг подошел к окну и, высунув руку, оттолкнул лестницу. Она с шумом упала на железо.

— Зачем вы это сделали?

— Чтобы вы не могли удрать через окно! — ответил монах и вдруг, выпрямившись, схватил болт. Профессор скрылся за телескоп. По другую его сторону стоял монах, поднимая руку.

Профессор схватился за ручку колеса, направляющего телескоп, и сделал два оборота. Расчет его оказался верным. Конец длинной рясы монаха закрутился колесом и, прежде, чем тот успел вырваться, профессор выскочил в дверь и повернул ключ в замочной скважине. Изнутри на дверь с силой наваливался монах. Потом послышался стук и голос:

— Послушайте, профессор!.. Чего вы так волнуетесь?! Ведь я-же еще подумаю, насчет всего этого...

Внизу профессор увидел Андрея Желоба, идущего навстречу.

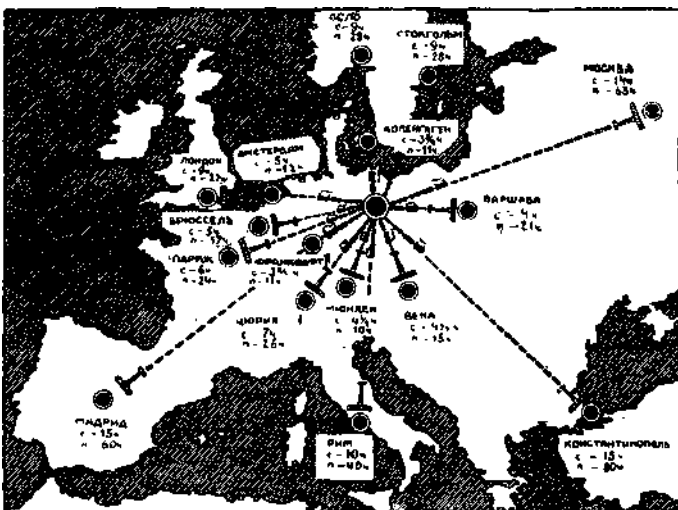
— Что, профессор, — спросил тот озадаченно, — открыли новую звезду?

— Нет. Сегодня я открыл кое-что поважнее. Идемте наверх.

Открыв дверь в обсерваторию, они увидели черного человека, висящего наверху. Он повесился на гвозде, под изображением одного святого, — этот последний монах старого монастыря.

ВОЗДУШНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Почти что два с половиной месяца потребовалось Колумбу в 1492 г. Доплыть из Испании в Америку, и еще

100 лет тому назад всякая заокеанская поездка считалась чем-то необыкновенным. В то время, чтобы попасть из

Гамбурга в Нью-Йорк, требовалось приблизительно около 8 недель, каждый переселенец в Америку навсегда прощался со своими знакомыми и родственниками, так как при длительности поездки вряд ли мог помышлять о скором посещении родины.

Сейчас в Америку можно попасть на большом океанском пароходе в 6 — 7 дней.

Цепелину, который из Фридрихсгафена (Германия) недавно перелетел в Америку, понадобилось для этого 81 час и только 33½ часа потребовалось американскому летчику Линдбергу для перелета на одномоторном самолете из Нью-Йорка в Париж. Эти числа ясно показывают, какое громадное сбережение времени дает воздушное сообщение.

На нашем рисунке изображены важнейшие, выходящие из Берлина, воздушные линии, с указанием, сколько времени требуется самолету и скорому поезду, чтобы достичь конечной цели.

Пояснения к рисунку.

В конце каждой линии указано, сколько времени нужно самолету и скорому поезду, чтобы из Берлина достичь указанной цели.

Когда самолет уже достиг своей цели, поезд еще в том месте, где на рисунке нарисован локомотив. Если же два пункта лежат на одной линии, то положение локомотива считается относительно всей линии, напр., Берлин — Мадрид, Берлин — Лондон и т. д.

Фантастический рассказ П. Н. Г.

Рисунки ДОРМИДОНТОВА.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВЫХ ПЯТНАДЦАТИ ГЛАВ.

Революционный социализм победил во всем свете и только в «Стране Молчания», находившейся в восточной части Соединенных Штатов, господствовала еще власть капитала. Наконец, неведомая радиостанция уведомила мир о начавшейся революции и в «Стране Молчания».

Ученый Карстон, на изобретенном им самолете, решает отправиться на помощь к восставшим. Захватив с собою нескольких спутников, (в том числе и корреспондента Ведрина), он пробивает на своей машине электромагнитную броню, которой капиталистическая власть отгородилась от остального мира. Так наши путешественники очутились в «Стране Молчания», спеша на помощь восставшим массам.

Очувшись в Гениополе, столице «Страны Молчания», они узнают, что революция до сих пор не сумела добиться решительной победы, т. к. в руках врагов осталась «Стальной замок» с его смертоносными лучами. Первая попытка атаковать замок с помощью революционных самолетов кончилась полной неудачей.

Люди в панике бегут и Ведрин, вместе с его проводником, Кемминсом, спускается в подземный туннель.

XVI. ПОД ЗЕМЛЕЙ.

Зашипели тормоза и, мягко подкатив, поезд остановился. Огромная ярко освещенная подземная зала переполнена, переполненная людьми и оглушительным шумом — вот что отчетливо и ясно запомнилось мне, когда я очутился на платформе. В следующую секунду хлынувший людской поток уже увлек меня и Кемминса по мрачному туннелю. Длинный, освещенный коридор вырос перед нами; кто-то что-то крикнул, другие подхватили, и толпа устремилась вперед. Еще и сейчас дрожь пробегает у меня по телу, когда я вспоминаю этот путь. В хаосе криков нельзя было сказать ни слова, нельзя было сделать ни одного самостоятельного движения, не рискуя попасть под тысячи ног, что было равносильно смерти.

— Здание станции обрушилось! Бомбардировка с аэро! Здесь выйти нельзя... Это туннель на станцию Мервэн... Главное спокойствие! Держитесь возле меня! — прокричал на ухо мне Кемминс.

В этот момент вдруг погасли электрические лампочки, освещавшие подземное русло. Бешеный, нечеловеческий, не то крик, не то вой разъяренной толпы, глянувшей в очи смерти, прозвучал под сводами туннеля, эхом отдаваясь куда-то вдаль, и все погрузилось в кромешную тьму...

Инстинктивно я нечеловеческим усилием вырвал прижатую к телу правую руку и протянул туда, где был Кемминс. Кажется, я дотронулся до его плеча, но уже в следующее мгновение кто-то, рванувшись вперед, ударил по локтю, сорвал мою руку, дикий топот прокатился по темному коридору и толпа бросилась бежать...

— Кемминс! Кемминс! — закричал я, но голос мой затерялся, как треск хлопушки в громе орудийного выстрела. Ответа не было...

Толпа увлекла меня, как водопад ничтожную щепку. Упасть — значило быть мгновенно раздавленным. Все усилия мои, вся воля, все желания — сосредоточились в одном: не попасть под ноги бегущей толпы. Изредка там и сям вспышками прорезали тьму огоньки карманных фонарей

и мгновенно гасли, выбитые из рук. Спотыкаясь, крича, под аккомпанемент проклятий, в паническом ужасе неслась толпа, беспощадно топч тех, кто упал. Ноги мои не раз наткнулись на лежащие тела, не раз чьи-то руки хватили меня за ноги, и кровь леденящие крики резали темь, а я, задыхаясь, чувствуя, что сердце готово вырваться из груди, мчался все вперед и вперед, в мыслях же было лишь одно: не упасть...

И вдруг мне пришла в голову странная мысль: «Ведь я сегодня ночью прилетел в «Страну Молчания» спустился в Гениополе, был в «Комитете Восстания», отправился к «Стальному Замку» и все это для того, чтобы погибнуть в этой подземной мышеловке?!... Нет! Конечно же нет! — и я внутренне засмеялся, а сознание нелепости такого конца удвоило мои силы, но на секунду закружило голову. Оно на миг опьянило меня, и тотчас же я споткнулся об чье-то тело, инстинктивно вытянул влево руку, толкнулся о кого-то, тот упал, а вслед за ним и я... Сверху упал еще кто-то, еще и еще...

«Конеч!» — молнией прорезала голову страшная мысль. На мгновение ярко-освещенные, предо мной мелькнули лица Карстона и всех моих спутников, кабинет редактора, озабоченное лицо Кемминга, а вслед за тем я нечеловеческим усилием рванулся, высвободился из-под груди упавших на меня тел — стал на ноги...

На миг в какой-то истоме закружилась голова, но страшным усилием воли я вернул себе сознание...

Вправо была холодная каменная стена. Людской поток был гораздо реже и прислонившись к сырому, влажному камню, я уже мог оставаться почти на месте. С минуту я стоял, сиюсья прийти в себя.

— Это в Блэквест! Мервен взорван! — раздался чей-то голос возле меня, и внезапная догадка прорезала мой мозг. Так это был боковой туннель и меня толкнули сюда, вместе с другими, а большая часть побежала прямо. Вернется Кемминс? И где он? — заговорила мысль в голове.

Да, толпа возвращалась. По отдаленным выкрикам, по нарастающему гулу, я понял это. Люди хлынули в Блэквестский коридор и обезумевшее человеческое стадо побежало с удвоенной быстротой. Человеческий поток вновь подхватил и повлек меня...

Я не помню, сколько времени длилась эта дикая гонка... Но вот, совсем неожиданно стальные тиски ослабели, и, глянув вперед, я невольно зажмурился. Впереди, вверху, на площадке широкой лестницы, с ослепительно-ярким фонарем в руке стоял какой-то человек. На миг все стихло и человек поднял руку:

— Спокойствие, граждане! Успокойтесь! — прокричал он, и после секундной паузы продолжал: — Выход свободен, все пройдут. Эй, там, не напирайте! — он еще выше приподнял фонарь и глянул далеко через наши головы.

Люди успокоились. Бледная, дрожащая, взбиралась человеческая лента по лестнице, на поверхность земли, к свету, воздуху и простору....

XVII. ПОД ГНЕТОМ «СТАЛЬНОГО ЗАМКА».

Когда, наконец, вырвавшись из страшного подземелья, я вошел в огромный, освещенный зал, моей первой мыслью было: где же Кемминс? Вернуться и обратиться к человеку с фонарем? Но никакая сила не протолкнула бы меня против течения человеческого потока. Искать кого-либо из представителей власти? Но где же их найдешь? — эти

мысли с быстротой молнии мелькали у меня в мозгу, пока я стоял, прижавшись к косяку огромной арки, огибавшей выход из подземной станции. Неожиданно над головой у меня что-то зашипело, забубльало и хриплый деревянный голос заорал:

«Алло! Алло! Враг атаковал Стенхильскую аэропристань. Первая атака отбита.. Алло! Алло! К оружию товарищи!.. Они снова будут наступать... Они...»

— Вы здесь? Здесь? О, как я боялся! Как искал вас! — и чья-то рука легла мне на плечо. Я оглянулся. Вздрыганный, бледный и радостный, передо мною стоял Кемминс. Горячо, с участием расспрашивал он о моих злоключениях, рассказал, как искал меня, как минуту назад дал знать обо мне везде и всюду, хотя в душе считал меня погибшим в этой «дьявольской крысоловке», — так назвал он подземелье.

— А теперь идите! Идите, время не ждет, — заключил он.

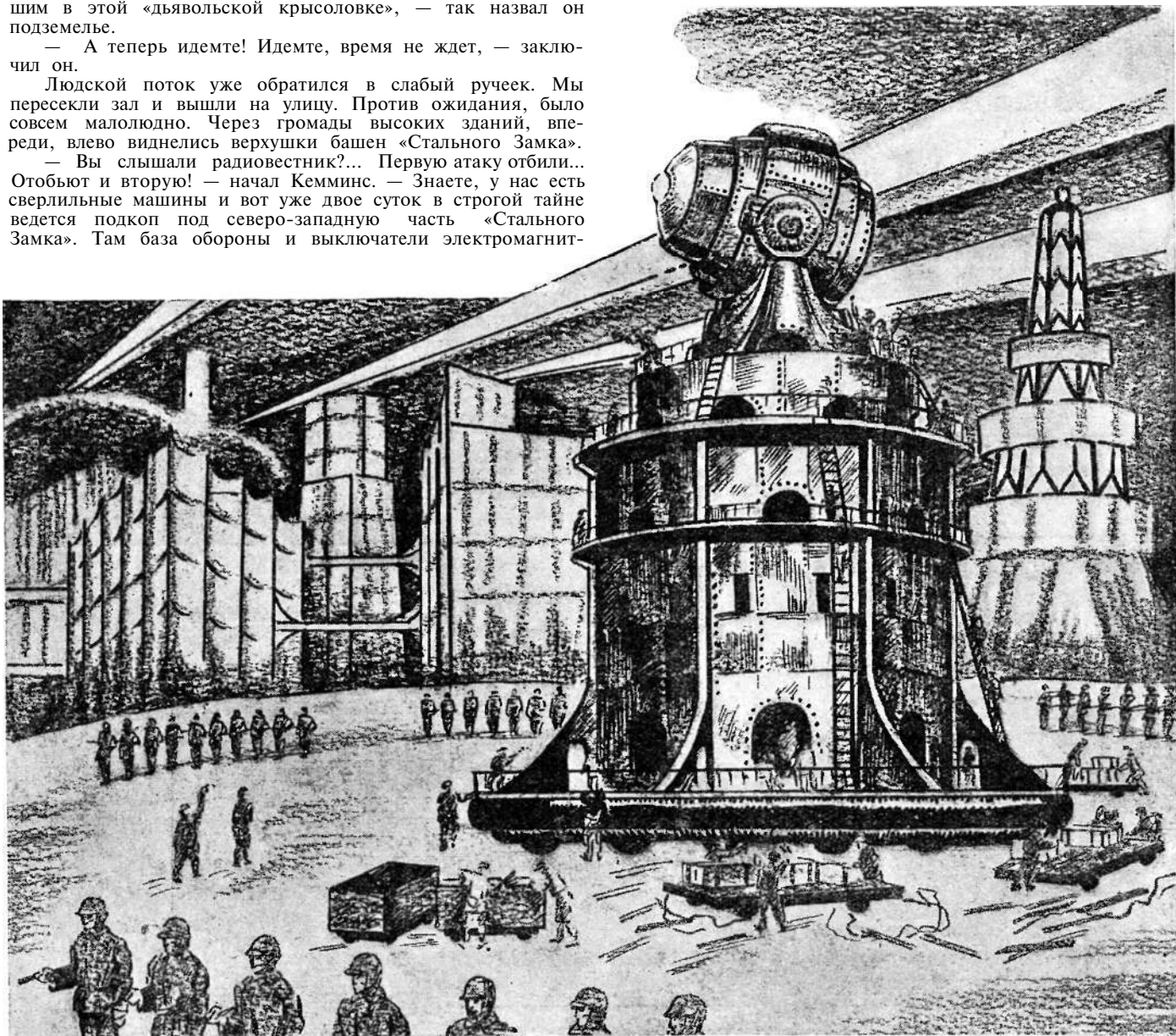
Людской поток уже обратился в слабый ручеек. Мы пересекли зал и вышли на улицу. Против ожидания, было совсем малоллюдно. Через громады высоких зданий, впереди, влево виднелись верхушки башен «Стального Замка».

— Вы слышали радиовестник?... Первую атаку отбили... Отобьют и вторую! — начал Кемминс. — Знаете, у нас есть сверильные машины и вот уже двое суток в строгой тайне ведется подкоп под северо-западную часть «Стального Замка». Там база обороны и выключатели электромагнит-

есть огромные аккумуляторы. Их изобрел инженер Суммерли, выходец из Италии. Гениальнейшего ума инженер и беспримерной жестокости человек.

Вся энергия со всей нашей страны, без всяких проводов, передается в «Стальной Замок», а отсюда уже ее направляют куда захотят. Говорят, что это тоже выдумка Суммерли, как и самый «Стальной Замок». О, это сам сатана в образе человека, но его ум, его талант! Это нечто сверхчеловеческое. Эта адская стена, отколовшая нас от мира, — ведь отсюда подается энергия для нее. Здесь, в «Стальном Замке» ключи от адского кольца.

— А скажите, — прервал я, — этот Суммерли... Где он сейчас? Умер?

Ближе к центру стояла какая-то огромная машина

ной стены, окружающей нашу страну. Северо-западная часть, это — святая святых «Стального Замка». Кроме этой таинственной «Станции Выключателей», там же находится станция, с которой они могут рассыпать электромагнитные бури по всей стране; там есть система, посредством которой они могут заставить бездействовать любые фабрики, заводы, выключив их из электроснабжения. Впрочем они их уже остановили. Вся энергия целой страны, — там, в бесконечных подземных галлереях, в огромных аккумуляторах...

— Позвольте! Я не понимаю. Как это вся энергия? В каких аккумуляторах? — перебил я.

— О, так значит вы еще не знаете? — воскликнул Кемминс. — Эта скала, этот холм, на котором стоит «Стальной Замок», весь изрыт подземными залами и галлереями, как жилище крота. Там, в самых глубоких подземельях,

Рука Кемминса протянулась к верхушкам башен «Стального Замка».

— Там! Там он! Он душа обороны «Стального Замка»... Тсс... Что это?! Смотрите!....

XVIII. ПОРАЖЕНИЕ.

Звучный, многоголосый гул, ежесекундно нарастая, ворвался нам в уши. Гул этот через минуту, обратился в сплошной дикий рев и из боковой улицы, справа, навстречу нам ринулся человеческий поток. Стоя в нише подъезда, мы с минуту стояли как оглушенные. Толпа в паническом ужасе откуда то куда то бежала. В стихийном шуме, — шуме вод, бегущих через прорванную плотину, — до нас доносились отдельные возгласы. «Говорят «Десять тысяч!», «Двадцать тысяч!» «Где они?» «Стен-

хилль занят». «Огненные лучи». «Все погубило!» — и выкрики эти сливались с топаньем тысяч бегущих ног...

Кемминс сорвался с места... Стойте! Остановитесь! Что случилось? — выкрикивал он, стараясь остановить бегущих, но ничто не могло хоть на миг сдержать их. Ужас витал над толпой, покорил, смял и деморализовал ее.

— Вперед! Скорее! — вскричал Кемминс, обращаясь ко мне. — Мы там узнаем. Что-то случилось. Повидимому, что-то ужасное. Быстрее вперед, в штаб! — но сказать это было легче, чем сделать; толпа разливалась во всю ширину улицы.

— Сюда! Здесь должна быть подъемная машина! — и мы вбежали в вестибюль здания. Какой-то длинный коридор вырос перед нами и в два прыжка мы были уже на другом конце его.

Всеведение Кемминса поражало меня. Небольшая кабина подъемной машины, легкое шелканье и мы понеслись вверх. Снова знакомые проспекты над бездной и тотчас через сплетенный из стали мостик мы перекинулись на другую сторону улицы. Бегущая толпа редела и неистовствовала под нами в судорожном страхе. Я едва поспевал за своим спутником, неустанно торопившим меня сквозь тысячеголосый ужас толпы. Двести-триста шагов и вдруг мы остановились. Как будто под ударом гигантского лома, обрушилась часть стены и впереди зияла огромная пропасть. Кемминс не смутился ни на мгновение.

— Назад! Каждая секунда дорога! Мы найдем другой, третий, десятый путь! — вскричал он и я увидел сколько стальной энергии было у этого человека.

Мы повернули назад. Тридцать-сорок шагов, мелькнувших как вспышка молнии, и в кабинете подъемной машины мы неслись вниз. Мы пробежали, повидимому, с десятков зданий, не выходя на воздух. Вереница громадных, сказочной архитектуры зал и переходов промелькнула передо мной, как желтизна увядших листьев, подхваченных смерчами и когда, наконец, распахнулась дверь на улицу, там не было никого. Все было спокойно и пустынно, вплоть до первого поворота, а там... там новое зрелище выросло перед нами...

ХІХ. ЗАЩИТНИКИ «СТАЛЬНОГО ЗАМКА».

Во всю ширину улицы затаясь, расположились стройные отряды вооруженных людей. Это были рабочие дружины. По правую и левую сторону улицы, стоя по два в ряд неподвижно вытянулись вереницы автобусов. Несмотря на присутствие тысяч людей, все было тихо и напряженно спокойно.

Несколько человек подбежало к нам. Это были, повидимому, начальники отрядов. Минуты две Кемминс горячо спорил с ними. Как дождь, сыпались незнакомое имена и названия. Я понял, что говорили об отступлении и о взрыве «Стального Замка».

— Вперед! Идемте! — обернулся ко мне Кемминс — Нам придется пройти к штабу. Подкоп уже закончили. Знаете, они заняли Стенхильскую платформу, огненным лучом сожгли несколько тысяч наших людей. Нам надо найти кого-либо... узнать. Ведь уже начали очищать весь этот район... готовятся взорвать «Стальной Замок». Сюда, сюда, здесь мы не пойдем, видите стягиваются рабочие дружины, готовясь очищать район. Вы не боитесь головокружения? Ну, так смелее сюда, за мной. Не глядите вниз, — и он юркнул в узкую, колодецеобразную дыру в нише здания. — Это вентиляция наших подземных фабрик и метрополитена...

На миг жуткий ужас пахнул на меня из черного отверстия, но я пересилил себя и вслед за Кемминсом начал спускаться по ржавым железным скобам, вделанным в стену колодца...

Конец!... Я вслед за своим спутником стал на твердую почву. Перед нами уходил вдаль освещенный, влажный подземный туннель.

— Тут недалеко. Идемте! Скоро будет клетка подъемной машины. Мы поднимемся на один из верхних балконов Уольслей-Хауза. Оттуда прямой путь к штабу. Мы сейчас совсем близко от «Стального Замка». А вот мы и у цели!...

Взвись вверх кабина подъемной машины, дверца распахнулась и вдруг я увидел защитников «Стального Замка».

Огромная, освещенная платформа метров в 400 от нас была с трех сторон обрамлена стройными рядами одетых в серо-зеленое людей. На север, ближе к центру, стояла какая-то огромная машина, какой-то шестиугольный ящик на колесах, заканчивавшийся сверху площадкой с установленным на ней чем то наподобие прожектора. Кругом машины неустанно копошились люди. Это был генератор огненного луча...

По ту сторону платформы и справа от нее, здания, галереи, мостики, — все было усеяно людьми в сером. У каждого в руках было маленькое, черное ружье, издали похожее на игрушечное.

Ближе — к нам, у подножия зданий и на верхних путях, рабочие дружины, отбиваясь от врага, быстро отступали. Вооружение их было таким же, как и у защитников «Стального Замка». Бой был в полном разгаре. Ружья с той и другой стороны непрерывно горели огоньками бесшумных выстрелов...

Все это я видел не более полуминуты. Люди, — четыре человека, которых я сразу не заметил, — подбежали к нам.

— Назад!.. Назад! — подбегая и махая рукой, закричал один из них. — А, это вы, Кемминс! Скоро будет взрыв. Назад, во имя всего святого! Вниз!

— А вы? Почему же вы остаетесь? — ответил вопросом Кемминс.

— Мы уже не нужны здесь и тоже уходим! — ответил незнакомец — сюда, товарищи! — обратился он ко всем нам, распахивая дверцу кабины. Мы вышли, дверь захлопнулась и через стеклянную дверь опускавшейся кабины я на миг вновь увидел платформу, генератор огненного луча, людей в сером и тотчас все скрылось...

XX. КРОВЬ ЗА КРОВЬ.

Я не буду рассказывать про наш обратный путь, скажу лишь, что нам удалось попасть в один из гигантских автобусов, на которых рабочие отряды покидали Стенхильский район. Не более как через полчаса мы остановились у подъезда «Комитета Восстания».

— Смотрите, что это? Не ваш ли? — начал Кемминс. — «Мститель!» — вскричал я. — Да, это они, они! — и быстро, насколько позволяла густая толпа, я бросился к видневшейся над головами толпы черепахообразной спине «Мстителя».

Пройти через цепь охраны, вскочить через распахнутую дверь, — было делом минуты, а в следующую я уже сидел на диване, безжалостно засыпаемый тысячами вопросов. Минуту-другую я отвечал, стараясь быть бодрым и веселым, но вдруг какая-то слабость, болезненная истома охватили меня. Хотелось плакать, смеяться, радоваться, а вслед за тем я впал в какую-то протрацию. После всего пережитого наступила реакция.

Помню, я что-то говорил Карстону об огненном луче о гибели эскадры, и Карстон терпеливым, спокойным голосом повторял, что «Мститель» действительно изолирован от действия луча, что можно быть спокойным за его участь. Помню я, как держал в руках трубку радиотелефона, Берницкий что-то сказал и внезапно все заговорили, заволновались, захлопнулась наружная дверь, загудели машины и их ритм разбудил меня. Усилим воли я подхлестнул себя, встал и подошел к окну.

Корабль поднимался стремительно и уверенно. Знакомая, но казалось, давным-давно виденная панорама, расстилалась под нами. Вот аппарат повернул к «Стальному Замку», двигаясь ленивым, неторопливым ходом, и когда блистающий эллипс очутился под нами, «Мститель» остановился...

Снизу, из «Стального Замка», нас, повидимому, не замечали: слишком заняты были борьбой. Медленно и осторожно мы начали опускаться. Карстон сам был у руля.

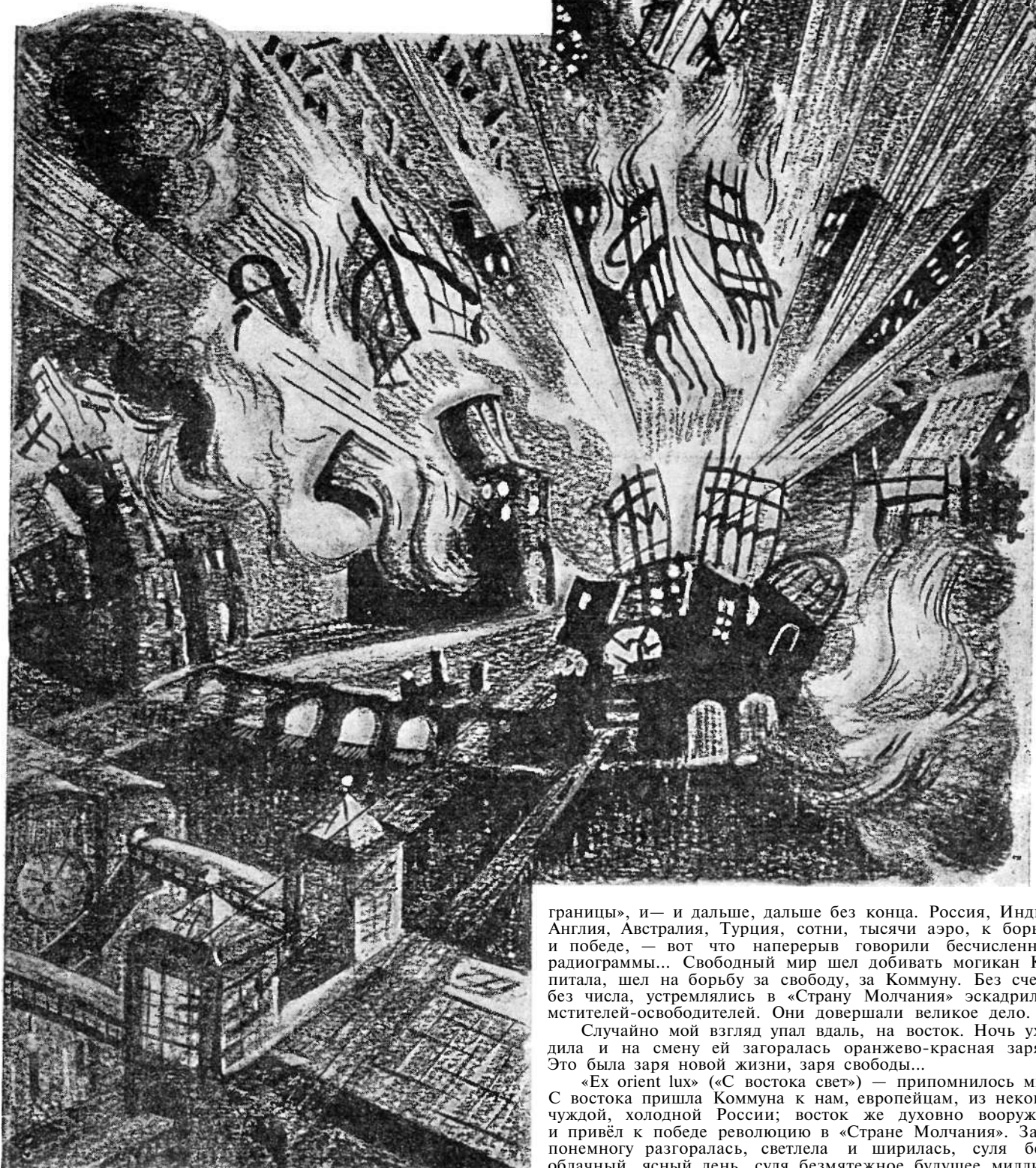
Моя камера «Унископа» лежала забытая тут же на диване. Я взял ее и поднес к глазам. Платформа Сенхиль жила лихорадочной, кипучей жизнью. На южном конце ее стояли две аэромашины и вокруг них суетились маленькие фигурки людей. Сверху их движения казались бесцельными и бестолковыми.

Повернув камеру немного вправо, я увидел здание «Уольслей-Хауза», и крошечный, прилепившийся на выступе балкончик, с которого я впервые увидел «стально-замковцев» меньше часу назад. «Мститель» все еще опускался. Люди на платформе попрежнему неустанно копошились, что-то делая. Вдали видны были последние отряды революции, поспешно уходившие прочь от «Стального Замка». Люди на платформе вдруг по команде очистили широкую ленту посреди ее, и аэромашины, разбежавшись, начали подниматься. И тогда...

Вдруг всколыхнулась, будто приподнимаясь, северо-западная часть «Стального Замка». На миг зашатались дворцы и башни, затем дрогнули и рассыпались. Целое море огня вырвалось из недр фантастического замка. Багровый свет на миг облил все на десятки километров вокруг. Столб пламени взвился ввысь и, казалось мне, на миг лизнул стальное тело «Мстителя», а вслед затем грянул взрыв, от которого как будто раскололась надвое земля и от края до края сотрясся весь мир. Грозный раскат ворвался в каюту, оглушил и оцепенил нас. Отброшенный взрывом

«Мститель», раскачиваясь и вертясь, летел как лепесток в бурю. Потрясенные до глубины души, мы в каком-то благоговении, благоговении ужаса, безмолвно застыли у окон. Внизу горел колоссальный пожар. В искупительном огне горел старый мир, мир насилий и гнета. Заканчивался последний акт исторической трагедии...

— Радиограмма! Победа, товарищи! — раздался тихий возглас Поуэля. — «Стена Смерти» пала. 250 аэро первого северного отряда летят на помощь братьям», — прочитал он, а радиоприемник продолжал работать, неся вести со всех концов «Страны Молчания». «Эскадрилья 120 самолетов летит из Монреаля», «Эскадрилья из 350 аэро Английской республики пересекла «Стену Смерти», «Вторая авиоэскадрилья Китая в 300 аэро летит к борьбе и победе», «400 аэро Французской республики вылетели с западной

Целое мора огня вырвалось из недр фантастического замка.

границы», и— и дальше, дальше без конца. Россия, Индия, Англия, Австралия, Турция, сотни, тысячи аэро, к борьбе и победе, — вот что наперерыв говорили бесчисленные радиограммы... Свободный мир шел добивать могикан Капитала, шел на борьбу за свободу, за Коммуну. Без счету, без числа, устремлялись в «Страну Молчания» эскадрильи мстителей-освободителей. Они довершали великое дело.

Случайно мой взгляд упал вдаль, на восток. Ночь ушла и на смену ей загоралась оранжево-красная заря... Это была заря новой жизни, заря свободы...

«Ех orient lux» («С востока свет») — припомнилось мне. С востока пришла Коммуна к нам, европейцам, из некогда чуждой, холодной России; восток же духовно вооружил и привёл к победе революцию в «Стране Молчания». Заря понемногу разгоралась, светлела и ширилась, суля безоблачный, ясный день, суля безмятежное будущее миллионам людей.

Это была заря новой эпохи, эпохи грядущей Коммуны.

Морской рассказ *ОТарди.*

Рисунки *Икара.*

Англия — страна туманов. Но это не совсем верно. Там тоже иногда бывает солнце.

В один из таких редких дней, его преподобие, Арчибалд Хайд, приходский пастор, сидел в садике, перед своим коттеджем. Курил трубку и обдумывал свою будущую проповедь. Вернее, не обдумывал, а собирался обдумывать.

Пчелы сонно гудели среди тюльпанов и ирисов. Вид на взморье и долину реки, местами скрытую густыми купами цветущих вишневыми садов, действовал успокаивающе.

Пастор положил книгу на колени. Губы его, по привычке, шептали библейские тексты. Трубка погасла и выскользнула из рук.

Пастор задремал.

Вдруг стукнула садовая калитка. Арчибалд Хайд вздрогнул и проснулся. В нескольких шагах от себя, на посыпанной песком дорожке, огибавшей куртину с нарциссами, он увидел моряка.

Средних лет, среднего роста. Одетый в праздничный костюм; блестящая клеенчатая шляпа. Синяя, открытая у ворота, куртка, с черным шелковым бантом. Белые полотняные брюки; пояс с широкой медной бляхой.

Незнакомец сначала отдал честь, дотронувшись, до края шляпы. Затем, сообразив, что перед ним духовная особа, снял ее.

Видно было, что он крепко пьян.

— Простите, ваше преподобие! Меня зовут Джон Джонс, а когда был на русском клипере то Иван Котлов.

— Что? Что?

Пастор немного сконфузился оттого, что его застали спящим.

— Что вам угодно от меня, мистер?

— Я боцман с китобоя «Питер Фок». Только что кончили кампанию и списался на берег.

Почтительная улыбка расплылась по обветренному оспенному лицу, подкупив пастора.

— А что вам, собственно, угодно от меня, сын мой?

— Да, вот, батюшка, я пришел спросить вас, где можно найти в этой дыре бальзамировщика?

— Кого? — подскочил пастор.

— Бальзамировщика. Хорошего, самого настоящего бальзамировщика!

Боцман полез за пояс, достал пачку табаку и заложил за губу. Пожевал, сплюнул и спокойно продолжил:

— Бальзамировщика, ваше преподобие. Ну, вот, типа, который людей набивает. Как раньше фараонов всяких набивали. Разрежет живот. Внутренности разные повывинимает. Набьет перцем, луком, корицей, гвоздикой и всякой такой всячиной начинит. Чтобы сохранился напостоянную. Не протух...

— Знаю, знаю, — перебил пастор. — Знаю как это делается.

— Боцман просиял.

— Умеете, значит, сами делать?

— Что вы, сын мой, я вам этого не сказал! Я только знаю, как это делается!

Моряк вздохнул и почесал затылок.

— Вот и наши морячки, тоже знают, но никто не берется за это дело. Спрашивал я еще одну до вас знакомую свою, которая мне для удовольствия на берегу служит, не помню только, как ее звать, не то Мэри, не то Нелли. В Плимуте на рынке рыбой торгует. Так она обиделась, да как закричит: «Пошел ты к черту! Маринуй свою бабушку»... А что мне, когда у меня никакой бабушки нет. И еще что то в этом роде всякие непристойные слова говорила. Да что с бабой разговаривать! Взяти мы с Билли Дугласом нашего беднягу Эли Томпсона, снялись с якоря и сюда. А тут нам повезло. Иду я по городу, вижу в цирюльне, в окне, выдра набитая стоит. Я и спрашиваю, кто делал эту выдру? Оказывается, сам цирюльник. Ну, я и взял его с собой. Он вашего прихода. А можно довериться ему, ваше преподобие? Вы его лучше знаете?

— Как же, как же, кажется знаю. Он мне еще прошлым летом чучело из форели сделал. Очень хорошо сделал. И при этом ничего не взял за работу.

— Дозвольте спросить, а большая была эта форель ваша?

— Ну, фунтов на десять.

Лицо боцмана выгнулось.

— Впрочем, наплевать, ваше преподобие. Все равно. Если уж этот ваш Коутс, чорт полосатый, маленькие вещи делает, то и с большими справится. Не слона же ему мариновать, в самом деле, а нашего товарища. Он уже сидит там, в шлюпке. Думает, что мы его для бритвы взяли. А мы ему ничего не говорили, чтобы не сбежал, ну его к ... Только Билли при нем, и вином его поит.

— Но, простите, я все-таки ничего не понимаю, в чем же, наконец, дело и причем я здесь?

Моряк с таинственным видом приложил палец к губам. Потом показал большим пальцем через плечо, по направлению к устью реки.

— Не будет ли вы добры, ваше преподобие, — почтительно сказал он, — пройтись со мной вот туда, где стоит наша шлюпка с Эли Томпсоном?

Священник взял шляпу и пошел за ним.

В конце долины, усыпанной лепестками цветущих вишен, яблук и шиповника, у берега, окаймленного вязами, стоял полуразрушенный сарай. Против него, наполовину вытянутая на берег шлюпка. На самом носу, опираясь на опорный крюк, стоял рослый матрос, одетый так же, как и Джонс. Его длинное лицо, опущенное под подбородком рыжей бородой, носило печать скорби.

При виде подошедшего пастора, он спрятал фляжку в карман, прикоснулся рукой к шляпе, и продолжал стоять, не шевелясь.

Цирюльника не было видно на кормовом сидении, потому что его прикрывала огромная бочка, стоящая на средних банках шлюпки.

Священник с недоумением смотрел на представившуюся ему картину. Высокий моряк снова мрачно козырнул широкой, корявой рукой.

— Вот мы и пришли к самому катафалку! — весело произнес боцман. — Вы знаете, конечно, ваше преподобие, вот того сморчка, что сидит за бочкой, с пьяной мордой. А вот эти двое, позвольте представить вам, Билль Дуглас и Эли Томсон, мои друзья!

— Но, позвольте, мистер Джонс, я вижу только одного. — Пастор уставился на высокого Билля Дугласа, которым ему снова козырнул. — А вот остальных я не вижу.

— Ну, так это же и есть Билль.

Высокий моряк снова почтительно откозырнул пастору, выпиравшему в это время большим фуляровым платком свою лысину.

— А вы ищете Эли? Да Эли в бочке!!

Пастор отскочил.

— Как в бочке?

— Не беспокойтесь, святой отец, мы его живо выкатим на берег. Нам это плевое дело! Когда вскроем, то легче будет объяснить, в чем здесь дело! Билль! Тащи сходню! Подкладывай! Да разворачивайся живей, чтоб тебя! Весит здорово, чорт дери! Ну, раз, два — сильно! Раз, два — сильно! Да, что ты, курица

твоя мамаша! Лысая... Простите святой отец, это не к вам относится, а вот к этой пьяной роже! Пошла, пошла! Так!..

Шлюпка накренилась и черпнула воды. Цирюльник, которого раньше не было видно из-за бочки, теперь обнаружился, лежащим на дне вверх ногами. Джонс и Билль, подбадривая друг друга самыми виртуозными ругательствами, лихо выкатили бочку на берег и установили в сарае.

После этой операции боцман подошел к пастору.

— Что, хорошо, ваше преподобие? По нашему, по морскому! А знаете, почему мы доставили сюда Эли? Он, ведь вашего прихода.

— Эли Томсон? Да. Но теперь из его родных никого нет в живых. Была старушка мать, но и ее я похоронил вскоре после Рождества.

— Как?! Умерла, вы говорите? Вот жалко, чорт дери! А мы, собственно говоря, для нее и старались! Сюрприз хотели сделать. Сына привезли. Эй, Билль, а ведь, бабуси-то нет! Окачурилась, старушка! Оставила нас в дураках с тобой.

— Чего нет? Молотка и стамески? Здесь они!

— Дурень, какой стамески? Старушенция умерла! Билль долго, повидимому, переваривал эту новость, пока сообразил, в чем дело:

— А?!

Потом почесал затылок, покачал головой, и ничего больше не сказал.

Боцман снова обратился к пастору.

— Не обращайтесь, ваше преподобие, внимания на этого ругателя и тугодума, хотя он мне и товарищ. Эли Томсон часто говорил мне про свою старушку мать. Только адреса его я не знал. А узнали мы случайно. Эй, Билль, тащи ты эту, свою пиголицу, Коутса, со всей требухой, пускай вскрывает бочку!

Билль покорно забрал инструменты и пошел к сараю. Цирюльник, бледный и испуганный, стоял у самой шлюпки. От него сильно несло винными ларами.

— Коньячек-с, ваше преподобие! — извинился боцман, заметив, что пастор подозрительно повел носом. — Это для храбрости ему дали. А что касается бедняжки Эли, то дело было так. Почти год утюжили мы на своем китобое Индийский и Атлантический океаны, пока не пришли в Бискайский залив. Дуло здорово. Хлестало через борт. Китобой не то, что русский клипер «Разбойник», с которого я сбежал в Коломбо с двумя своими товарищами. А капитан наш был собака, всегда носил уйму парусов, — даже в Полярном океане. Не жалел людей. Он то и погубил Эли. Нас заливает, а он пошел спать вниз. Помощнику стало жалко нас. Чтобы меньше валяло, послал Эли, вместе с другими, на грот-марс риф брать. Вдруг этот самый дурень Эли грохнулся сверху на палубу, да прямо под ноги капитану, который в это время вышел из каюты. Остановился и спрашивает:

— Откуда тебя черти принесли?

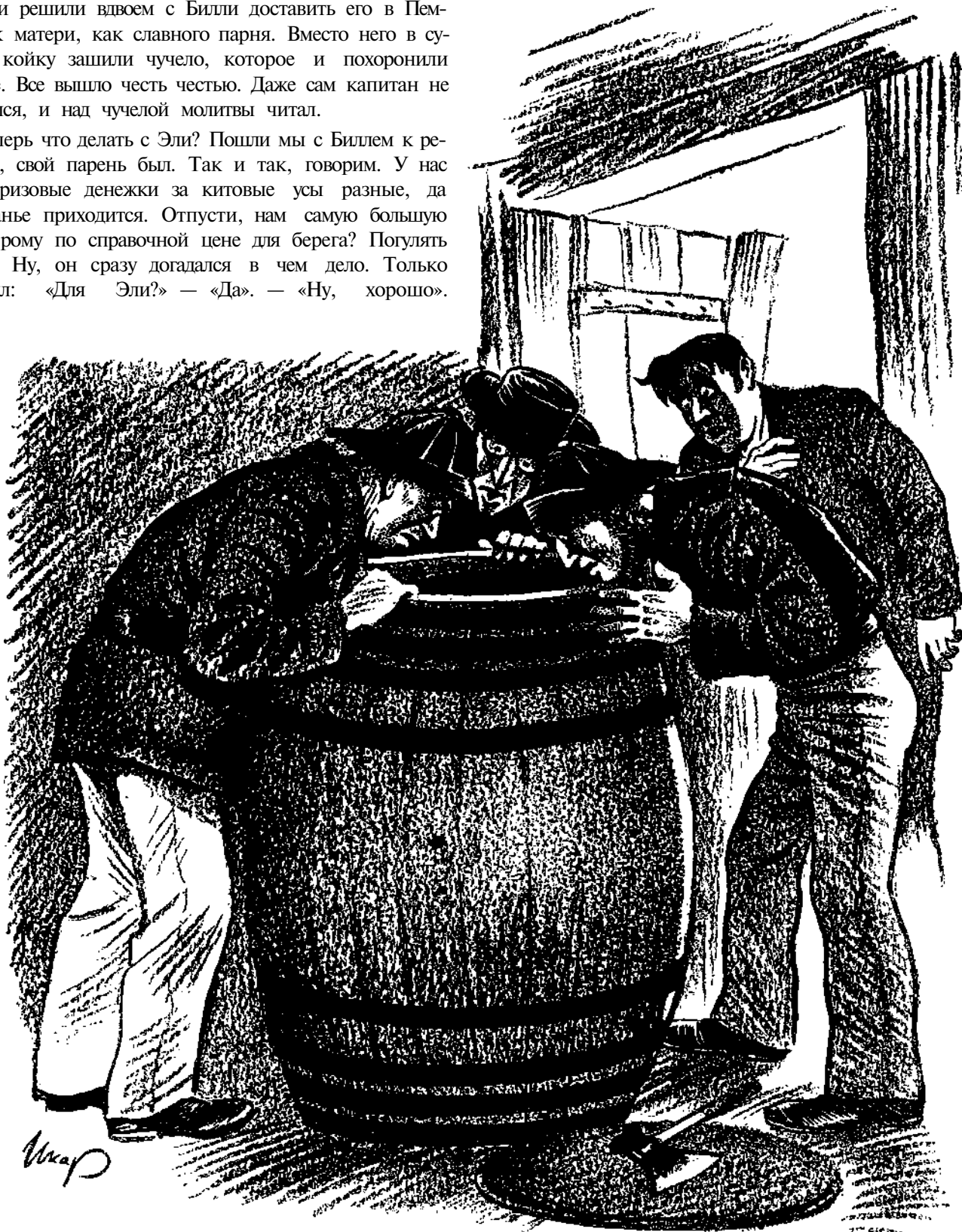
А тот, бедняга, почтительно отвечает:

— Простите, сэр, я из Англии, из прихода Пемброк.

К вечеру Эли не стало. Он вместе с духом сдал свой судовой номер. Мы же, таким образом, узнали его адрес и решили вдвоем с Билли доставить его в Пемброк к матери, как славного парня. Вместо него в судовую койку зашили чучело, которое и похоронили в море. Все вышло честь честью. Даже сам капитан не догадался, и над чучелой молитвы читал.

Теперь что делать с Эли? Пошли мы с Биллем к ревизору, свой парень был. Так и так, говорим. У нас есть призовые денежки за китовые усы разные, да жалованье приходится. Отпусти, нам самую большую бочку рому по справочной цене для берега? Погулять хотим. Ну, он сразу догадался в чем дело. Только спросил: «Для Эли?» — «Да». — «Ну, хорошо».

Сначала мы просто думали вынуть покойничка и передать его матери для похорон. Но Билль запротестовал, чтобы не получилось незаконно. А в бочке хоронить — тоже ведь не по штату.

— Нетут — с отчаянием произнес он.

И отпустил. Мы разом Эли в эту бочку уложили и в трюм. А когда пришли в Плимут, бочки скатили в склад на берегу, откуда нам ее ревизор этот и выдал. Вот теперь мы ее привезли сюда.

— Совершенно верно, сын мой, хоронить в бочке скандал и кощунство!

— Ну, вот. Это то самое, что мы думали — хоронить в бочке неприлично. Начали хорошо, решили

и кончить также. Тут мы и придумали с Биллем набальзамировать покойного.

— Простите! — залепетал побледневший цирюльник, когда услышал шум сбиваемых с бочки обручей.— Тут какое-то недоразумение, сэры. Я думал, только брить придется...

— Если хочешь, можешь и побрить его заодно. За все заплатил!...

Боцман вынул фляжку и подал ее цирюльнику.

— Хлебни немного. Храбрый будешь!

— По... по... позвольте...

— Нет врешь, не уйдешь от меня, я живо из тебя все выдавлю...

И боцман сильной рукой схватил несчастного цирюльника за шиворот.

— Слушай! — начал он спокойным голосом. — Час тому назад ты хвастался, что можешь набивать чучело из чего угодно. Вот теперь изволь набивать!

— Не совершайте насилия, сын мой!

— Не опасайтесь, ваше преподобие! Я ему больно не сделаю. Стукну один раз и он останется доволен...

В это время сверху из сарая раздался крик — «Эй, эй, иди сюда!»

Все повернули головы к сараю. Коутс задрожал, как осенний лист.

— Ваш друг, кажется, зовет вас! — сказал пастор.

— Какой там друг, ваше преподобие, чтоб ему... Просто ругатель. И не зовет, вы хотите сказать, а выражается! Что-то случилось. Билль никогда не волнуется. Эй, Билль! В чем дело?

— Что-то в самом деле случилось, — произнес тихо пастор. — Пройдите, мистер Джонс!

Боцман бегом направился к сараю, толкая перед собой цирюльника.

Пастор с интересом последовал за ними.

Из какого окна упал цветочный горшок?

Прохожему, спокойно шедшему по тротуару, неожиданно свалился на голову цветочный горшок.

Все обошлось благополучно, но пострадавший захотел точно установить, из какого окна упал горшок и предупредить неосторожных хозяев. Посмотрел вверх, но в окнах никого не было видно.

Как может он установить, из какого окна упал горшок?

— Что такое? — спросил он, переводя дух.

— Возьми глаза в зубы, святой отче и посмотри сам! — досадливо проворчал боцман.

Приятный и сильный запах рома наполнил воздух.

Верхняя крышка бочки была сбита. Джонс мрачно смотрел на нее.

— Нету! — с отчаянием произнес он и беспомощно опустил руки.

Билль мрачно кивнул и замер, вперившись в ароматную, янтарную жидкость.

— Но куда же девался покойный? Ведь не мог же он распуститься в роме?

— У рома такого, свойства нет. Да ром ли это? Как по вашему, ваше преподобие?

— Судя по запаху, ром! — осторожно ответил пастор.

— Ну, так я вам тогда скажу в чем здесь дело. Это балда ревизор, ошибся бочкой!

— Но где же в таком случае наш Эли?!

— Нашего Эли сдали в судовой магазин до первую требования с какого-либо судна. Придет какой-нибудь такой китобой, вроде нашего и получит...

— Вот то будет номер на том судне, где его получат?!

Билль только раскрыл рот от сильных, непривычных переживаний. Хотел что-то сказать, но воздержался. За него сказал Джонс

— Что-ж, их счастье!

Наступила тяжелая пауза.

— Что же будем делать? — спросил, наконец, боцман, почесывая затылок.

— Выпьем! — мрачно отрезал Билль.

— А где?!

— Да здесь! Найдем поблизости комнату и будем в ней жить, пока не допьем бочки. Деньги заплачены. Кстати и покойничка помянем!

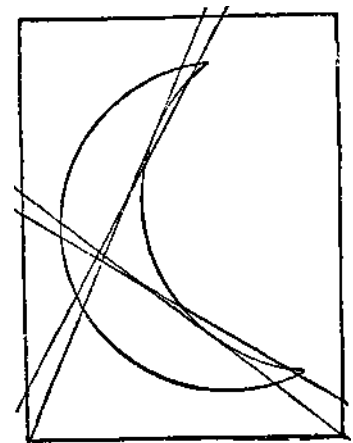
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ СЭМА ЛЛОИДА В № 24.

Финансы детского сада.

У Китти было семь пенни, а у Гарри — пять.

Разрезывание луны.

Четыре прямых линии, проведенных, как указано на этом чертеже, образуют пятнадцать отрезков полумесяца.

Великолепно задумано

Рассказ Р. ГАРДИНГА

Узкие сводчатые двери в стеке караван-сарая Ши-хов не могли достаточно быстро пропустить скопившуюся там толпу арабов. В дверях караван-сарая, как впрочем и на прилегающей к ней улочке, стояла толчея. Бранные слова, выкрики, пинки и удары создавали впечатление бурлящего человеческого котла.

Неверный свет нескольких свечей караван-сарая не достигал, конечно, улицы, и она была погружена почти в полный мрак. В этом мраке люди, запахнувшие в бур-нусы от свежести октябрьской ночи, походили на гигантских ночных сов. Они расходились, насвистывая сквозь плотно сжатые зубы «гимн Гуссейну».

Гуго Кроссланд насвистывал также. В течении нескольких часов он простоял в караван-сарая, внимательно вслушиваясь в слова нового оратора, ни одним движением или жестом не выдавая себя. Выход на улочку он также завоевал с чисто восточной горячностью, ругаясь и толкаясь почти с увлечением. Теперь необходимо было сыграть роль до конца.

Он поправил распутившуюся во время драки шелковую чалму и завязал ее очень низко. Были видны только глаза и нос. По бесконечным кривым и темным улочкам он достиг базара. Здесь Гуго замедлил шаги и влился в праздную толпу, гулявшую между рядами продавцов сластей и сукон. Тысячу и один аромат восточного базара, грубый жаргон и крики разносчиков и нищих, шипение горящего масла, доносившееся из под рваных пестрых палаток, маленькие вьючные ослики и металлический звон женских медных и серебряных запястий — давно перестали прельщать его. Он знал все это так же хорошо, как и нравы всех посещающих эти базар людей — арабов, халдеев, армян, сирийцев, курдов и бахтяр. Это была его специальность — знать их язык, нравы и обычаи и даже, при необходимости, уметь перевоплощаться в кого-либо из них. За это он получал вполне определенное вознаграждение и был на очень хорошем счету у... английской тайной полиции.

Оставив базар, он направился на запад и скоро достиг реки. И река и берега были пустыни. Несколько широких лодок, причаленных к деревянным столбам, бесшумно плескались по течению. В темной воде тут и там отражались яркие, холодные звезды. На другом берегу силуэты стройных фиговых пальм выделялись на темном небе, подобно ряду неподвижных часовых. За ними началась великая Сирийская пустыня. На сотни миль по ее поверхности медленно перекатывались песочные холмы, не встречая на своем пути ничего, кроме одиноких и жалких кустарников. Пустыня эта доходила до границ Палестины и южнее, до Красного моря.

Когда Гуго вступил на понтонный мост, соединяющий оба берега, из пустыни донесся рыдающий хохот далекого шакала. На обоих концах моста стояло по полисмену. Они окидывали всякого переходящего в этот час мост араба подозрительным и долгим взглядом. Гуго едва удержался приветствовать своих товарищей по службе. Его часто занимал вопрос, что они стали бы делать, если бы вдруг он, переодетый араб, пожелал им спокойной ночи. Вероятнее всего его арестовали бы, как подозрительную личность. А это никак не входило в планы секретного сотрудника.

На некотором расстоянии от моста, на правом берегу стоял дом, когда-то принадлежавший калифу. Он был почти скрыт пальмами и казался необитаемым. Во всяком случае, в верхнем этаже, так как нижняя половина дома не была видна из-за высокой толстой стены.

Гуго через потайную дверь вошел в сад и скоро достиг лестницы, ведущей на широкий балкон. На балконе стояли рядом три походные койки, защищенные от москитов тонкой кисеей. Через полуоткрытую дверь соседней комнаты на них падал желтый свет масляных ламп. Он вошел в комнату. Среди клубов табачного дыма два человека, оставленных им несколько часов тому назад, терпеливо ожидали его возвращения.

— Вы совершенно правы, майор! Эти новые ораторы очень подозрительны. В их речах слышатся новые слова! — сказал Гуго, сбрасывая «куфию» и опускаясь в изнеможении в камышевое кресло. — Эти люди с голубыми тюрбанами очень осторожно и хитро вкладывают в свои невинные речи такие слова и мысли, которые нам могут причинить большие беспокойства. Они почти призывают к красной «священной» войне. Они постоянно бросают намеки на имасов Ирака и Персии, восхваляя их борьбу с нами и призывая присоединиться к ним. Кроме того, ОНИ подготавливают население к приходу нового вождя и говорят, что день мести и освобождения близок. Почти в каждой шиакской кофейне сидят новые подозрительные личности, зажигающие слушателей своими речами. Они закладывают под нас хорошую мину.

— Вы правы! Я такого же мнения и даже считаю, что уже через десять дней, в первый день праздника Махарана, может вспыхнуть бунт, от которого нам всем не поздоровится! — сказал третий собеседник, грузный, средних лет человек, одетый в домашний халат.

Он прибыл в Кэмизанх два дня тому назад и представился под фамилией Дана, богатого путешественника, посетившего эти края ради собственного удовольствия. Гуго он показался самым ленивым и неповоротливым человеком, которого он когда-либо видел. Дан был молчалив и Гуго, несмотря на всю пронизательность, не мог его раскусить. Выражение маленьких, хитрых глаз незнакомца было неувольимо. Наконец, после длинных и очень подробных разговоров и расспросов Дан открыл свое инкогнито и Гуго понял с кем имеет дело. Питер-Дан был наиболее хитрым и проницательным агентом английской тайной полиции — краса и гордость Интеллиженс-Сервис.

— Вам наверное не удалось установить фамилию этого нового «вождя!» — продолжал он, обращаясь к Гуго. — Эти бунтовщики очень тщательно скрывают свое имя. Но к празднику Махаран он, наверное, его раскроет. Я думаю, что скорее всего события разыграются в Кербела, где был повешен знаменитый Гуссейн.

Он поудобнее устроился в кресле и продолжал скрипучим, монотонным голосом:

— Несколько лет тому назад подобная же история разыгралась на Красном море. Она закончилась восстанием сирдара в Судане. Я принимал участие в этом деле и имел удовольствие лично доставить на виселицу нескольких главарей. Но самый важный из них выскользнул из моих пук. Он был родом из Египта, зовут его Фанц бу-Хассид; он араб и имеет за собою список преступлений против англичан, длинный, как отсюда до Багдада. Он — студент, по переодевается, гримируется, как лучший сыщик в мире. Надо признать, что он необычайно хитер, смел и чертовски умен. Мне удалось заполучить кое-какие сведения, заставляющие предполагать, что мы имеем дело именно с Фанц Бу-Хассидом. Но в этом деле необходима самая крайняя осторожность, ибо Фанц, — если это действительно его «работа» — очень опасный враг. Арестовать его сейчас невозможно, так как у меня нет прямых доказательств его виновности, а он настолько популярен, что его арест может вооружить против нас самые покорные племена. Мне необходимы доказательства, мне точно нужно знать, какую игру ведет этот молодчик.

— Я ее узнаю! — пылко прервал его Гуго.

Дан с удовлетворением посмотрел на молодого агента и обратился непосредственно к нему:

— У меня есть здесь торговец фруктами Узир-Али. Он держит лавочку на базаре и получает достаточно, чтобы считаться моим другом. Если я буду вам нужен, сообщите мне по его адресу — он всегда знает, где меня найти. Но пока вы будете в отсутствии, мы с майором займемся моим «седанским списком». Я уверен, что в этом новом деле мы найдем целый ряд старых знакомых...

Гуго прошел в другую комнату подготовиться к предстоящему «делу», затем вернулся в общую комнату ужинать. В двенадцатом часу все трое легли спать, но к рассвету койка Гуго была пуста.

За час до рассвета Гуго уже подходил к огромному караван-сарая, расположенному около мечети. Он выбрал себе место около спящей группы, среди которой нашел некоторых лиц, знакомых по вчерашнему собранию и растянулся рядом. Когда настал день, он вторично проснулся и вскипятил себе чай на собственном маленьком приборе. Своим появлением он не возбудил ничего подозрения, так как в течение ночи и утра в сарай прибывали все новые и новые лица и он незаметно растворился в общей массе. Лениво попивая чай с хлебом и шариками масла, Гуго старался поймать нить шумного, многоголосого разговора. Все вращалось вокруг речей новых ораторов и провозглашаемого ими прихода нового вождя. В возбужденных и громких словах Гуго уловил общую нервность и беспокойство, которые появляются, когда говорят о вещах близких и желанных. Гуго дышал этой атмосферой бунта и ненависти много дней подряд и каждый раз покрывался холодным потом при одной мысли, что сделали бы с ним окружающие, если бы он как-нибудь выдал себя. Утром он тронулся вместе с ним в путь, к месту, назначенному ораторами для встречи с вождем. Следуя пешком по берегу реки за «беллумом», в котором находились «голубые турбаны» — они медленно продвигались вглубь страны» от Кэмиша, мимо неглубокого, окруженного диким камышом

...Черные, умные и блестящие глаза смотрели на Гуго внимательно и слегка насмешливо.

озера Хамара, вверх по Ефрату. Останавливались, когда причаливали к берегу беллумы, и располагались на ночлег каждый раз с сотнями новых присоединившихся по дороге обитателей пустыни. Чем дальше они уходили вглубь пустыни, тем смелее становились речи вождя и их призывы встречали все более горячий отклик. Агент английской тайной полиции чувствовал себя в этой атмосфере весьма неуютно. Неосторожное движение или возглас могли погубить его безвозвратно и он предпочитал молчать и, когда должен был вместе со всеми кричать «Смерть Англии!», — закрывал глаза.

Так они достигли городка Мазирнах — здесь была сделана остановка на два дня. В течение этих дней Гуго мог вполне убедиться в серьезности и организованности принятого против англичан похода. Это открытие не способствовало улучшению его самочувствия. Также мало его обрадовало присоединение почти всего молодого населения Назирии. Эти юноши были полны освободительных идей и жаждали проявить их на деле. Из Назирии они два дня шли по однообразным пескам пустыни. Гуго изнывал под

двойной задачей — спастись от солнечного удара и какнибудь не проговориться в тяжелом, полубредовом сне.

Настроение окружающих ясно указывало на скорое появление долгожданного вождя. Но был ли Дан прав, предполагая, что это будет обязательно Фанц-бу-Хасонд? Никто из арабов не знал про вождя ничего, исключая, что он враг англичан и должен прийти с верховьев Тигра. Но Гуго не сомневался, что голубым турбанам имя вождя должно быть известно так же хорошо, как имя Дана или его собственное — поэтому он старался держаться все время поближе к ним, надеясь уловить хоть какой-нибудь намек.

В этот день он лежал на берегу в нескольких шагах от «беллума», на котором жили главари движения. Гуго не сводил глаз с одного из них, стоящего во главе с самого выступления из Кэмизанха. В данную минуту сонному Гуго он казался спящим. Вокруг на берегу несколько сот тел, изнывая от жары, предавались сну и глубокое молчание царило над отдыхающим лагерем. Почти побежденный дремотой Гуго еще раз взглянул на беллум и сердце его забилось сильнее. Он медленно опустил голову, как бы окончательно во власти сна и растянулся, наконец, на горячем песке, большим напряжением воли заставив себя спящим: показалось ли ему или на самом деле глаза человека полукоткрылись и тяжелым, немигающим взглядом уставились на него?

В этот вечер, когда огненно-красное солнце скрылось за горизонтом и в лагере зажгли костры для приготовления

пищи, разговоры были прерваны звуками «там-тама», доносившимися с берега. Эти звуки подняли сразу же ноги. Между двумя рядами факельщиков, со стороны берега шла данная вереница людей. Она приблизилась к лагерю и вошла в образовавшийся круг. Ненависть и жажда борьбы в речах вновь пришедших — представителей людей с верховьев Ефрата и Тигра, — не знала границ и их слова довели арабов до неистовства. Подобно грому, сотни боевых барабанов разорвали тишину и дикая, чисто восточная радость победно разлилась среди пустыни. Оглушительные, страстные и дикие крики «Смерть убийцам Гуссейна», «Смерть англичанам», — перестали уже смущать Гуго и он кричал и кружился, поднимая высоко руки и крича до хрипоты, почти с радостью. Но сосредоточиться на мысли, чем все это может кончиться, было для него слишком страшно.

К середине следующего дня они достигли Самгва и Гуго, улучив удобную минуту, тайком пробрался в местное телеграфное отделение. Он послал фруктовщику Цзиф-Али для Дана, следующую телеграмму: «Торговля идет хорошо. Происхождение дичи еще не установлено. Ваши предположения наиболее вероятны. Направляемся в Кербала. — Ахмед».

Служащий-араб посмотрел на телеграмму с удивлением. — «Охотитесь за дичью?» — спросил он.

— Да! — ответил Гуго со смехом и расслабившись ушел. По дороге он выпил, плотно подкрепился в кофейной и в хорошем настроении духа направился к лагерю, за городом.

Следующий этап был город Нежф, откуда лежал прямой четырехдневный путь на Кербалу.

Таким образом было ясно, что они будут там к первому дню праздника Махарана, т. е. в момент наибольшего скопления людей. Он не сомневался, что отряд, идущий вместе с вождем с верховьев Тигра, также приложит все усилия прибыть в Кербалу к этому дню, чтобы соединенными усилиями поднять восстание.

После остановки в Самава весь план стал для Гуго совершенно ясным. К сожалению, нельзя того же сказать про его голову. Плотная еда и выпитое в такой душный день вино сделали свое дело. Во всех членах он чувствовал усталость и тяжесть. Добравшись до своего коврика, Гуго вытащил из дорожного мешка бутылку козьего молока, но вместо ожидаемого облегчения впал, почти мгновенно, в глубокий и тяжелый сон. Когда он проснулся, ему показалось, что он вынырнул из самых глубин черных вод и с их поверхности «смотрит на мир вокруг. Но это была не вода, это была раскаленная, желтая пустыня. Если бы не сильная головная боль, он сразу же обратил бы внимание на странную фигуру, сидевшую рядом с ним. Но во рту он ощущал странный горький вкус, а когда попробовал встать, то убедился, что его руки скованы наручниками. «В чем дело? Что случилось?» — спросил он себя почти вслух...

Наконец, рядом сидящая фигура вырисовалась совершенно отчетливо. Черные, умные и блестящие глаза смотрели на Гуго внимательно и слегка насмешливо. Белый шелковый бурнус придавал ей очертания большой сказочной птицы.

— Я — Фанц бу-Хассид! — сказал спокойно араб на чистом английском языке.

Гуго прикусил до крови нижнюю губу, чтобы убедиться в том, что это не сон. Он подумал о наручниках и почувствовал на кистях рук их нагретую солнцем сталь. Но головная боль мешала сосредоточиться и он посмотрел на Фанц-бу Хассида отсутствующим, ничего не соображающим взглядом.

— Вы слишком сонны, чтобы вполне оценить положение! — сказал араб. — Напиток, который был налит в бутылку с молоком, крепок. Мои агенты оказались более ловкими. Может быть, это объясняется тем, что у меня работают мужчины, а не мальчики. У меня есть всюду агенты и они вполне справляются со своими задачами, даже под самым чутким английским носом. Вас заметили в Кэми-занхе, в караван-сараях, где вы присоединились к верным мне шиахам и с тех пор Абдул-Хелеха, мой главный помощник, «голубой тюрбан», не спускает с вас глаз.

Служащий телеграфной конторы в Самаве оказался преданным мне человеком и разрешил Абдулу пропитать вашу телеграмму относительно дичи и дополнить ее другой, по тому же адресу. Я знал, что вы работаете с нашим старым врагом, Петером Даном, и мне нужен был его адрес.

Для Гуго эти слова звучали очень издалека. Он тщетно стремился сосредоточиться и уловить их смысл, но не мог выдать из себя ни слова. Сзади араба он различал, как бы в тумане, очертания палатки и рядом дорожный автомобиль. Конечно, сознание его обманывало и все это сон? Иначе откуда было взяться среди пустыни пустому автомобилю? Вдруг он почувствовал себя поднятым в воздух...

Когда через несколько времени Гуго окончательно очнулся, он увидел себя в автомобиле. Рядом тот же спокойный, мелодичный голос сказал:

— Аллах! Они здорово вас угостили. Вы так крепко спали, что пропустили мой приезд в лагерь и даже сейчас еще плохо соображаете!..

Но теперь, когда действие снотворного прошло, Гуго мог соображать более ясно. Бешеная езда в свежем ночном воздухе рассеяла остатки головной боли. Наручники были холодны, как лед. Машина шла без фонарей, но Гуго достаточно было взглянуть на звезды, чтобы определить направление: они ехали на север, вглубь пустыни. Рядом с ним, на заднем сиденье, поместился араб; теперь он молчал, и Гуго имел возможность спокойно осмыслить положение, в котором очутился. Некоторые слова араба пришли ему на память, и он понял, что игра безнадежно потеряна. Оставалось только спастись, но и это в данную минуту было невозможно.

Они ехали еще в продолжение многих часов. Наконец, машина круто свернула направо, по направлению к видневшимся вдали фиговым пальмам. Вспыхнули огни машины, и в луче света вынырнул красивый дом, расположенный в самой гуще деревьев: По прекрасной пальмовой аллее они подъехали к стене, окружающей дом, и остановились перед маленькой железной дверью. Фанц бу-Хассид и шоффер вышли из машины, и спустя минуту Гуго шел между ними через заросший густой травой двор к винтовой лестнице дома, ведущей в темный, узкий коридор.

Посреди коридора Хассид открыл какую-то дверь и ввел Гуго в бедно обставленную, но ярко освещенную электричеством, комнату. Из темноты коридора выступили два вооруженных араба. Они стали на караул у дверей.

Гуго медленно прошел к изъеденному червоточной деревянному столу посреди комнаты и, пожав плечами, сел на его левый угол.

— Теперь девять часов! — сказал Фанц, вытащив из складов своего одеяния золотые часы. — Я жду Питера Дана к 12-ти. Я ему телеграфировал из Сомая от вашего имени, что именно здесь, на даче шейха Мухмада, должна произойти встреча между мною и этим шейхом, известным как старый враг англичан. В телеграмме я сообщил еще, что вы приняли все меры для нашего ареста и ждете только его приезда для определения нашей дальнейшей судьбы.

В глазах Фанца в первый раз вспыхнул хитрый и злой огонек, когда он медленно добавил: «У меня с Даном старые счеты, и мне давно хотелось встретиться с ним еще раз».

Он поклонился Гуго с преувеличенной вежливостью и вышел в сопровождении шоффера из комнаты. Вооруженные арабы стали молча у дверей; чтобы не видеть их, Гуго повернулся лицом к стене.

Воображение Гуго рисовало на сплошной, без окон, белой стене более захватывающий фильм, чем мог дать любой экран кинематографа. Горечь поражения в таком крупном деле его подавляла. Сознание, что Фанц обошелся с ним, как кошка с мышью, что он был уличен с самого начала, когда еще даже сам не знал с кем, собственно, ему предстоит бороться, было непереносимо. Еще больше его удручала мысль, что вместе с ним погибнет Дан и что, правда, косвенно, он будет виноват в этой гибели. Дан будет здесь через три часа. Самый способный агент английской тайной полиции попадет на предательскую телеграмму с легкостью неопытной девицы. Даже образ Дана в роли неопытной девицы, спешащей на тайное свидание не изменил мрачного направления его мыслей.

Так проходило время и к моральным страданиям Гуго присоединился сильнейший голод: он вторые сутки не имел ничего во рту. Вдруг среди окружающей тишины раздался слабый шум приближающегося мотора. К моменту, когда звук, все увеличиваясь, внезапно прекратился, — очевидно, у самых ворот, — Гуго был почти без чувств. По сухой траве двора раздалась чьи-то быстрые шаги. Потом хлопнула дверь.

— Добрый вечер, мистер Фанц бу-Хассид. Я рад встретиться с вами!

Напряженный слух Гуго узнал скрипучий голос Дана.

— Садитесь и положите ваши руки на стол, ладонями вверх. Я помню, как вы ловко вытаскиваете револьвер! — донесся до Гуго ответ Фанца бу-Хассида. Через минуту в комнату, где находились Дан и Фанц, ввели Гуго.

Она была ярко освещена, красиво убрана коврами и диванами во всю длину стен. Посреди комнаты стоял прекрасный круглый стол, середина которого была инкрустирована квадратиками. За столом сидел Дан, Фанц же полулежал на диване. Шесть вооруженных арабов вдоль стены ждали неподвижно приказаний вожда.

В позе обоих врагов была полная непринужденность. Оба великолепно владели собою и знали, какую ведут игру. Почти веселая улыбка, с которой его встретил Дан, сбила Гуго с толку.

— Здорово, Гуго, я уже соскучился без вас. Я получил вашу телеграмму.

Гуго хотел ответить, но слова застряли в глотке и он только пожал плечами. Между тем, Фанц закурил новую папиросу и, пуская кольцами дым, обратился к Дану:

— Наконец, я вас заполучил, Дан! — начал он. — Два года тому назад вы меня почти поймали, и ваша работа на Судане причинила мне немало огорчений. Вы должны были бы этим удовлетвориться. Но вы предпочли продолжать со мною борьбу и вели ее так систематично, что составили даже целый список моих друзей. Я надеюсь, что вы уже успели получить соответствующее вознаграждение за него от вашего начальства, в противном случае, мне очень жаль — вряд ли эта возможность представится вам еще раз... В ваших записках должен быть также ряд любопытных сведений о наших планах, о портах, через которые я получал нужное мне оружие и о караванах, которые его развозили по стране. Меньше, чем через шесть дней, это оружие будет пушено в дело. Наша сила велика и месть будет страшной, Питер Дан! Я впитал с молоком матери ненависть к вам и не я создал себе славу в борьбе с вами, но мой народ создал меня в своей великой ненависти к вашей «цивилизации». Вы сейчас находитесь в доме шейха Мухмада, который признан вами вне закона. Годами ждал он часа мести и в первый день Махарана он будет в Кербале вместе с конницей пустыни. Тысячи вооруженных людей с Ефрата и Тигра его уже ждут там!

— У вас, действительно, великолепно все задумано! — сказал Дан, весело взглянув на Гуго.

— Да, не пройдет и двадцати минут, как вы в этом убедитесь сами. Я мог вас уничтожить еще месяц тому назад, когда вы только появились в Абалане. Но мне нужно было дать вам время закончить список.

Фанц засмеялся. Его смех положительно был заразительным, ибо Дан не менее весело обратился к Гуго.

— Гуго, мой мальчик, вы совсем приуныли. Разве я вам не сказал, что вашу телеграмму я получил. Другая телеграмма также была доставлена мне во-время...

Гуго не поверил своим ушам. Значит, Дан все-таки понял, что вторая телеграмма была от Фанца.

В это время Фанц поднялся с дивана и шепнул что-то по-арабски своим воинам. Они сделали движение в сторону дверей.

— Вы бы лучше оставили ваших людей, где они стоят, иначе будет

...в комнату ворвалось несколько вооруженных английских солдат.

слишком большая толкотня! — сказал Дан, неожиданно сильно закашляв. Не успел пройти его кашель, как двери распахнулись, и в комнату ворвалось несколько вооруженных английских солдат, с готовыми к стрельбе револьверами. Пойманые врасплох арабы по команде быстро подняли руки; не торопясь, Фанц проделал то же самое.

Теперь настала очередь Дана торжествовать. Он удобно устроился в кресле. Гуго, уже освобожденный от наручников, сел рядом с ним.

— Я никогда не сомневался в вашем уме, дорогой Фанц, но не ожидал от вас такого легкомыслия. Неужели, приглашая меня сюда, вы могли рассчитывать, что я явлюсь один?

Фанц улыбнулся.

— Конечно, нет, дорогой Дан! Единственно, в чем я был уверен — это в вашей осторожности и в том, что отправляясь сюда, вы ничего при себе кроме револьвера не имеете. Впрочем, мне хочется сдержать обещание, которое я вам дал двадцать минут тому назад. Разрешите мне, поэтому, опустить на одну минуту руку, чтобы я мог достать письмо, которое у меня под бурнусом?

Дан быстро окинул глазами комнату. Шесть арабов, хотя вооруженных, но беспомощных и пять солдат с поднятыми револьверами стояли неподвижно и наготове. Дан превзошел самого себя в вежливости:

— Пожалуйста, доставайте, только, если можно, правой рукой.

Фанц послушно правой рукой достал из-под белого бурнуса конверт. Левая рука была поднята все время, т.-е. не все время, а пока он опускал правую с конвертом на стол.

Под внимательными взглядами Гуго и Дана он положил конверт на стол и медленно, слегка нажимая на конверт, пододвинул его с края на середину.

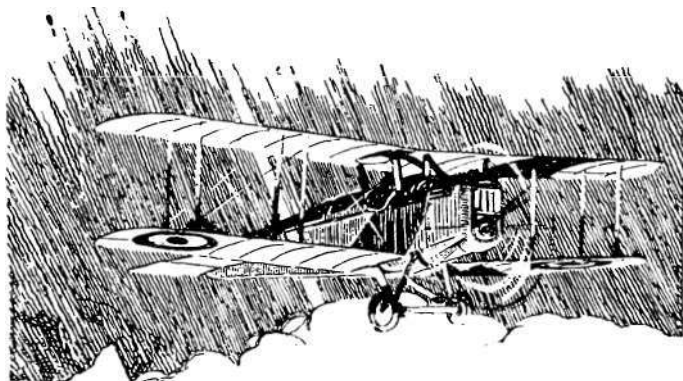
Мгновенно настала темнота. Револьверные выстрелы, крики, ругань и борьба разгорелись сразу, как по волшебству. Наконец, Дану удалось зажечь восковую спичку и при ее слабом свете он убедился в исчезновении Фанца и арабов. Гуго и еще двое лежали на полу ранеными.

Дрожащими от ярости руками, Дан разорвал конверт и прочел письмо. Оно гласило следующее*:

«Дорогой Дан! Простите, что необходимость получить ваши записки заставила меня вызвать вас так далеко. Но иначе мои люди были бы лишены возможности обыскать, как следует, ваши вещи и найти то, что мне нужно. Я получил ваши записки за час до вашего приезда сюда, но решил не отказать себе в удовольствии повидаться с вами. Автоматический выключатель находится под центральным квадратиком стола. Я нарочно устроил его в середине, так как не узнал, с какой стороны вы сядете.

Так как я должен вернуться к своей работе и исполнить то, что я вам обещал — относительно оружия, — то прошу вас и ваших людей считать себя моими гостями; припасов в доме найдете достаточно. Из пределов сада не выходите и автомобиля не ищите, так как внутри стены расставлены пулеметы, а машину я увел. Еще раз простите за беспокойство.

Фанц бу-Хассид.

УЛЬТРА - ГОЛУБОЙ

УГОЛЬ — НОВЫЙ ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ

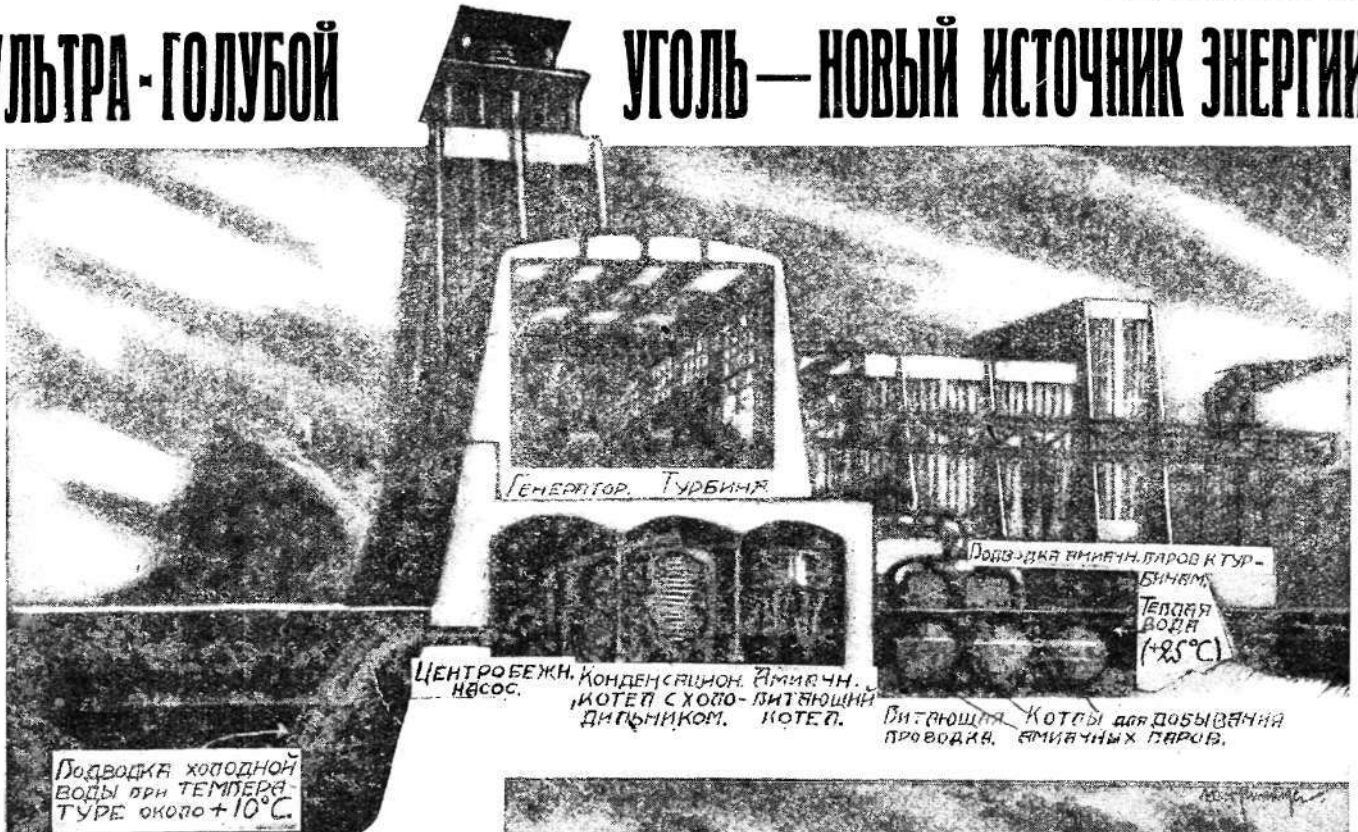
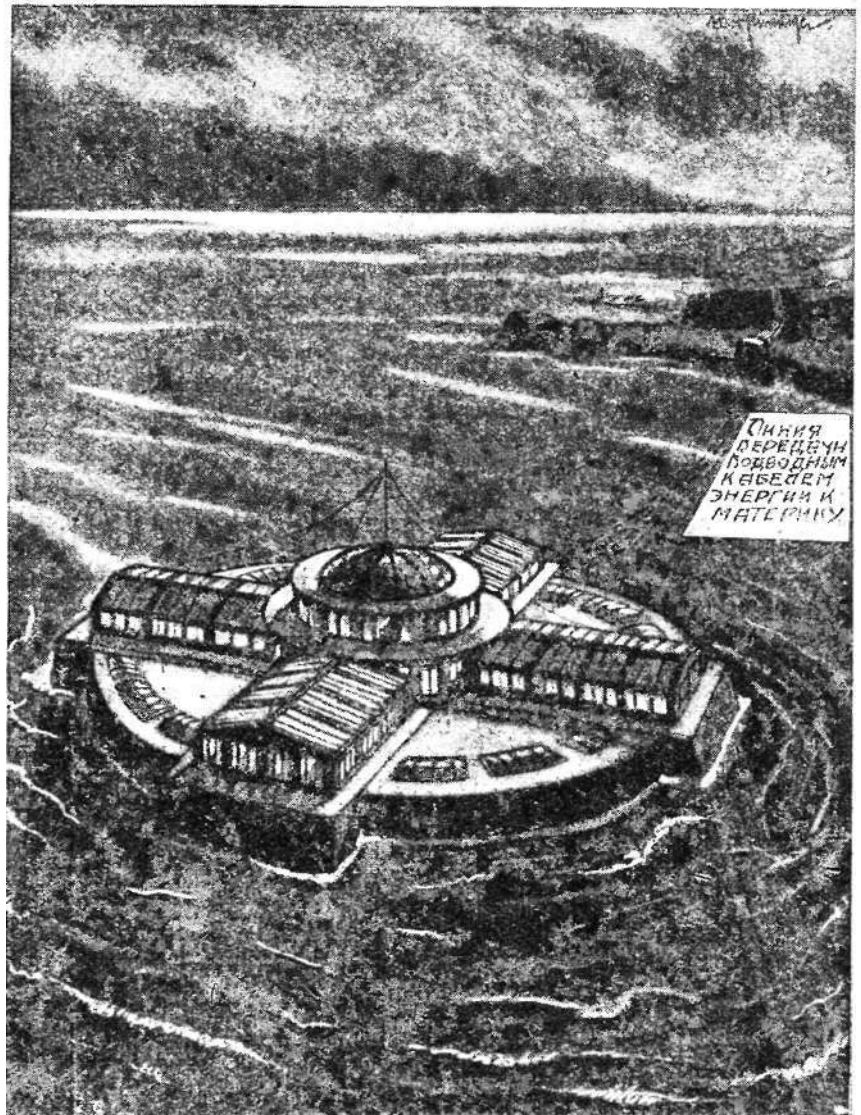

Рис. 1. Взгляд на океанскую тепло-силовую станцию, построенную по немецкой системе Бреуера.

Рис. 2. Французский проект океанской тепло-силовой станции мощностью в 100.000 киловат, на побережье Индокитая, по системе Клода и Бушера.

Находящееся сейчас в начальной стадии своего промышленного развития субтропические и тропические страны, начинают все более самостоятельно пользоваться своими почвенными и природными богатствами. А поэтому, спрос на дешевую энергию там все более повышается. Создание достаточных количеств энергии становится вопросом жизни или смерти для тех стран, которые в своем распоряжении не имеют достаточного количества угля или достаточного количества полезных водяных сил. Если из за недостатка своих источников энергии предприятия вынуждены будут употреблять дорогой импортный уголь, то их изделия как на внутреннем, так и на внешнем рынке не смогут конкурировать со все более дешевеющими изделиями Старого света, равно как с продуктами американской индустрии. Следовательно, если таким предприятиям не удастся освободиться от употребления дорогого ввозного угля, то они дол-

жны будут прогреть. Отсюда огромное значение двух изобретений, желающих использовать то солнечное тепло которым так богаты тропические моря.

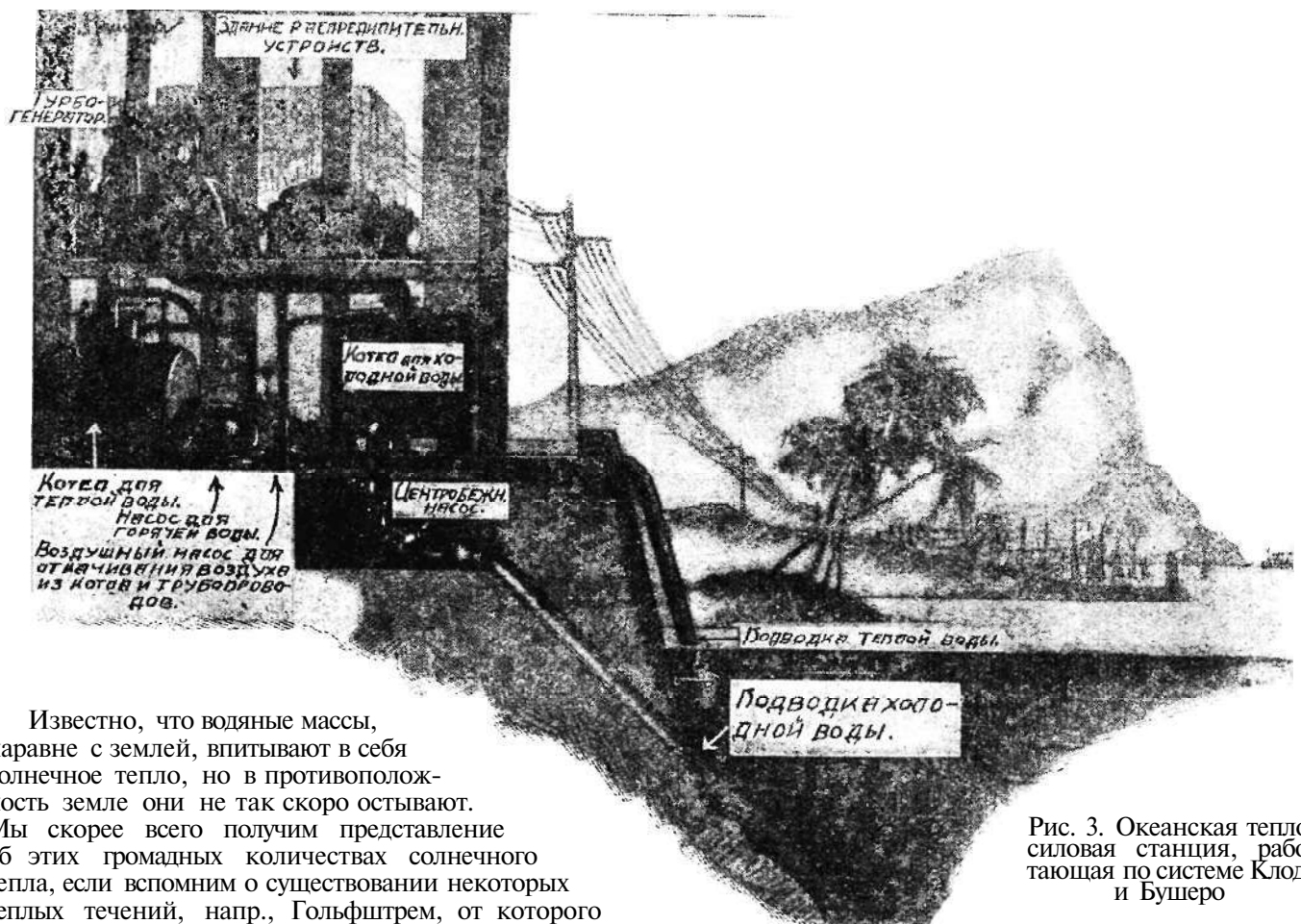

Рис. 3. Океанская тепло-силовая станция, работающая по системе Клода и Бушера

Известно, что водяные массы, наравне с землей, впитывают в себя солнечное тепло, но в противоположность земле они не так скоро остывают. Мы скорее всего получим представление об этих громадных количествах солнечного тепла, если вспомним о существовании некоторых теплых течений, напр., Гольфштрем, от которого большей частью зависит климат Европы, в особенности же Скандинавии. В тропиках, где такие течения начинаются, температура воды доходит до $+25^{\circ}$ по Ц., а слой теплой воды бывает от 50 до 100 м. толщины. Это значит, что еще там он имеет приблизительно $+20^{\circ}$ Ц. Ниже идут более холодные, глубоководные слои, где температура доходит до $+5^{\circ}$, а иногда еще ниже.

Эти массы солнечного тепла должны теперь, с помощью новых изобретений, явиться источником энергии. В обоих случаях это происходит по одному и тому же простому и остроумному способу. Теплая вода на поверхности создает пары, а холодная обеспечивает сгущение (конденсацию). Пар же, приводит в движение турбогенератора.

Одна, более ранняя конструкция принадлежит немецкому изобретателю Бреуеру, другая же — французским изобретателям, Клоду и Бушера. Первая конструкция закончена, а вторая еще испытывается.

Главнейшая разница обеих систем состоит в разных способах добывания пара. Во французском проекте, как видно из рис. 2 и 3, имеются два котла, один из которых на две трети своего объема наполнен теплой водой поверхности, а другой на половину или на одну треть — холодной воды глубины. Оба котла помещены над поверхностью воды и связаны между собой трубопроводом, в который включена турбина. Пар образуется следующим образом: воздушный насос выкачивает из обоих котлов и трубопроводов по возможности весь воздух; если весь воздух выкачен и пустота достигнута, то вода начинает уже кипеть при $+25^{\circ}$, вернее при 29° Ц.

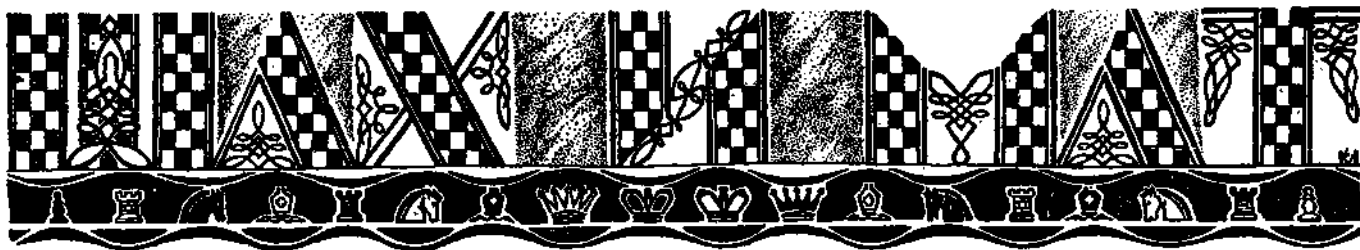
Пар с большой скоростью идет по трубопроводу в котел с холодной водой и приводит в движение включенную в трубопровод турбину. При опытах с моделью такой системы в Парижской Академии

Наук, было достигнуто, несмотря на маленькое давление пара, повышенная производительность без всякого видоизменения теперешнего вида турбин.

У немецкой системы пар образуется совсем другим образом. Теплая вода тут в котле не испаряется, а употребляется только как бы для его отопления. В котле же находится не вода, а жидкая углекислота или аммиак, имеющие куда более низкую точку кипения. В противоположность французскому проекту, такая установка работает с большим давлением пара; эти жидкости при большем давлении испаряются уже при 25° Ц. Образующиеся пары употребляются для движения турбогенератора. И использованные пары попадают в конденсационные котлы, где они, при помощи компрессора и под влиянием холодной воды глубин, снова обращаются в жидкость. Жидкость же, по мере надобности, подается в котлы. Паровые котлы, в противоположность французскому проекту, находятся, как показано на рис. 1, непосредственно в слоях теплой воды, в непосредственной близости к машинному отделению, защищенные от моря одной тонкой стенкой. Приливы и отливы дают возможность (благодаря особому расположению молот) обновлять теплую воду.

Немецкая система (в противоположность французскому проекту, практическая выгода которого еще не доказана, но выполнимость и хозяйственность не должны оспариваться) представляет собой установку с высоким давлением.

Конечно, заинтересованные страны в ближайшее время займутся созданием таких силовых станций, освободятся при их помощи от дорогого ввозного угля и улучшат этим положение своего финансового хозяйства. Немецкая система как будто имеет за собой большее будущее, чем французский проект.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Игра в шахматы существует уже тысячи лет, но до сих пор не разгаданы еще все тайны этой гениальной и увлекательнейшей игры. На 64 маленьких клетках небольшой шахматной доски разыгрываются самые драматические эпизоды напряженной и страстной борьбы. Сколько подчас требуется находчивости, смелости, изобретательности, выдержки, хладнокровия и безудержной фантазии, чтобы заматовать неприятельского короля! Как и на больших полях сражений, здесь происходят „кровопрлитнейшие“ бои, обходы, атаки в лоб, широкие маневры, борьба на истощение, маскировки, обстрел из дальнотойных орудий, мобилизация сил, переброска эшелонов, присылка подкреплений, хитро обставленные засады.

Это своеобразная сфера человеческой мысли и творчества, которая вознаграждает знатоков и любителей совершенно особыми ощущениями, переживаниями, и созерцанием красивейших комбинаций.

«Вокруг Света» — журнал путешествий, открытий, изобретений и приключений. Все эти элементы человеческой деятельности, борьбы и творчества имеются в шахматной игре. Вы найдете в партиях, которые будут помещаться в нашем шахматном отделе, описание удивительных путешествий короля и других фигурно шахматной доске, **путешествий**, сопряженных с немалой опасностью, ибо на каждом шагу притаился враг, готовый коварно сразить неприятельскую фигуру. А сколько **приключений** выпадает иногда на долю мелкой слабенькой пешки, которой все же удается иногда, преодолев все опасности, достигнуть вершин карьеры и превратиться в грозного, могущественного ферзя!

Немало придется нашим читателям ломать голову над головоломными задачами и этюдами, которые будут помещаться в нашем отделе. В этой области им придется проявить исклю-

чительную находчивость и сделать немало **открытий** и **изобретений**. Ниже мы печатаем задачу, предлагающую сделать черному королю мат в два хода. У белых подавляющий перевес сил, силы черных уже разбиты, но задача заключается не в том просто, чтобы выиграть, а чтобы выиграть в кратчайший срок, в минимальное количество ходов, возможное для данного положения. Или возьмем этюд. Положение белых неважное. При поверхностном взгляде на доску можно подумать, что черные неизбежно должны выиграть. Однако, в этом положении у белых есть возможность не только добиться почтенной ничьей, но и выйти даже победителями. Здесь придется действовать чрезвычайно осторожно. К победе здесь ведет не широкая дорога, а узкая опасная тропинка, с которой легко свалиться в пропасть. Один неверный шаг, необдуманый ход, малейший промах ведет здесь к гибели. Нашим читателям придется немало подумать, чтобы дать правильные ответы на наши задачи и этюды, но зато их старания будут вознаграждены помещением в журнале фамилий всех товарищей, которые прислали правильные решения.

Но мы не будем ограничиваться печатанием партий, задач и этюдов. Мы будем еще освещать жизнь и достижения шахматных мастеров, достигших высокого совершенства в этом прекрасном искусстве. Кроме того, в нашем отделе будет широко освещаться шахматная жизнь, как за границей, там и в Советском Союзе.

Мы приглашаем наших читателей прийти к нам в этом отношении на помощь и присылать сообщения о шахматной жизни на местах.

Письма следует направлять по адресу: Ленинград, Фонтанка 57, журналу „Вокруг Света“ для **шахматного отдела**.

Партия № I.

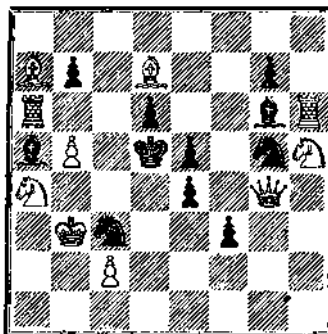
Играна на последнем Лондонском международном турнире.

Видмар — Боголюбов.

1. d2-d4, Kg8 -10, 2. Kgl--i"3, e7 — e6, 3. c2 — e4, d7 — do, 4. C c1 — go, h7 — h6, 5. C g3: f6, Ф d8* 16. 6. К b1- c3, c7 — c6, 7. e2 — e3, К B8 - d7, 8. С И — d3, do: c4, 9. С d3 : c4, К d7 — B6 (бесполезная потеря темна, ведущая к ослаблению позиции черных. Гораздо лучше было бы сыграть 9... C18 — d6, 10. К c3 — e4, Ф16 — e7 и этим подготовить ход еб — е6). 10. Сс4 — d3, Kb(> — d5, 11. 0-0, Кd5:c3, 12. B2:c3, С f8 — d6, 13. К f3 — d2!, 0-0 (вторая ошибка Боголюбова. Следовало сыграть еб — ео, чему белые теперь препятствуют своим следующим ходом). 14. J2 — f4!, С c8 — d7, 15. Ф d1 — ho (намереваясь сыграть в дальнейшем g2 — g4, потом g4 — g5 и т. д. 15—Ф f6 — e7 (черные парируют этим ходом подготовившийся маневр). 16. e3 — e4, f7 — 15, 17. J a1 — e1, Ф e7 — f7, 18. Ф h5 — e2, b7 — B5, 19. e4: f5, e6: f5, 20. К d2 — c4!, С d6 — c7, 21. Кc4 — e5, Od7:e5, 22. f4:eo (черные избавились от грозного коня, занимавшего прекрасную позицию, зато белые получили проходную пешку). 22... С d7 — d6, 23. J11-12, g7 — g6, 24. g2 — g4!, Ф f7 — h7, 25. J e1 — 11, f5: g4, 26. J {2 — 16!, С e6 — f5, 27. J16: c6 (первая жертва!). 27... a7 — a*, 28. С d3: f5, g6: f5, 29. Ф e2 — e3, Ф li7 — g7, 30. Ф e3 : h6 (вторая жертва!),

Задача № I

3. Беттельгейма.

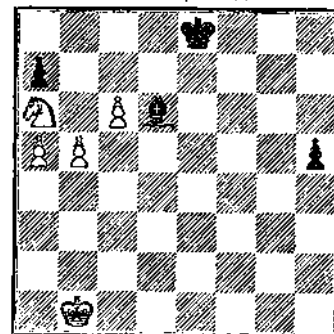
Мат в 2 ход?.

30.... Ф g7 : h6, 31. Л c6: h6, Кp g8 — g7, 32. Лпб — c6, Ла8 — c8, 33. Лc6:c8, Л f8: c8, 34. Л11: f5, Л c8: c3, 35. eo — c6, B5 — B4, 36. dt — d5, Лc3 — c3, 37. Лf5 — f4, ab — a5, 38. Л f4 — d4! (Снять пешку g4 означало только затянуть игру и выпустить черного короля на 16, где он мог еще некоторое время защищаться от победоносного продвижения белых пешек). 38.... a5 — a4, 39. d5 — d6, b4 — B3, 40. a2: b3, a4: b3, 41. d6 — d7, b3 — b2, 42. Л. d4 — b4. **Боголюбов сдался.**

От редакции. Если у читателей возникнут вопросы и недоумения по поводу различных ходов этой партии, мы просим написать нам об этом. На все запросы читатели получат в шахматном отделе самые исчерпывающие ответы.

Этюд № I

Макса Каршtedта.

Белые начинают и выигрывают.

Решения задачи и этюда будут помещены в № 6 нашего журнала. Имена т.т., приславших правильные решения, будут напечатаны.

Шахматная жизнь.

Ленинград. В феврале состоится чемпионат гор. Ленинграда, в котором примет участие ряд мастеров и сильнейших игроков Ленинграда.

Новосибирск. Открылась заиись в городской рабочий шахматный турнир, а также городской женский, для выявления кандидатов в краевые сибирские шахматный и шашечный турниры.

Свердловск. Закончился областной шахматный турнир. Первый приз и звание чемпиона Урала завоевал прежний чемпион Урала т. Киселев.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

„СОВКИНО“

МОСКВА, Мал. Гнездиковский пер. 7. Тел. № 4-50-40.

В БЛИЖАЙШЕМ ВРЕМЕНИ „СОВКИНО“
ВЫПУСКАЕТ
В ПРОКАТ БОЛЬШУЮ КУЛЬТУР-ФИЛЬМУ

„КРЫША МИРА“

(2.000 КИЛОМЕТРОВ ПО ПАМИРУ)

Руководитель съемок — **Вл. ЕРОФЕЕВ**

Оператор — **В. Н. БЕЛЯЕВ**

НАУЧНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ:

Проф. - геолог — **Д. В. НАЛИВКИН**

Проф. - этнограф — **М. С. АНДРЕЕВ**

Фильма является результатом экспедиции, отправленной „СОВКИНО“, совместно с научными учреждениями, летом 1927 г. Экспедиция прошла верхом и пешком все Памирское плоскогорье и области, прилегающие к Индии и Афганистану, засняв природу и быт этих мало исследованных районов.

ОТДЕЛЕНИЯ ПРОКАТА: МОСКВА, ЛЕНИНГРАД, РОСТОВ И ДОНУ, СВЕРДЛОВСК, НОВОСИБИРСК, ХАБАРОВСК, САМАРА, ОРЕЛ, Н.-НОВГОРОД, ЯРОСЛАВЛЬ.

АГЕНТСТВА: гор. Рязань, Тула, Владимир, Тверь, Новгород, Псков, Воронеж, Курск, Смоленск, Брянск, Челябинск, Кзыл-Орда, Астрахань, Сталинград, Пенза, Тамбов, Уральск, Барнаул, Омск, Красноярск, Томск, Краснодар, Амавир, Грозный, Тифлис, Рыбинск, Кинешма, Казань, Вятка, Ижевск, Муром, Петрозаводск, Н.-Тагил, Ульяновск, Оренбург, Уфа, Иркутск, Владивосток, Благовещенск, Чита, Симферополь, Владикавказ, Вологда, Архангельск, Иваново-Вознесенск.

ВСЮДУ ТЕЛЕГРАФНЫЙ АДРЕС „СОВКИНО“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 г.

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

52 НОМЕРА ЖУРНАЛА

24 КНИГИ ПРИЛОЖЕНИЙ каждая размером от 6-ти до 10-ти печатных листов.

4 РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ: (ВЕЛОСИПЕДЫ, РАДИО-АППАРАТЫ ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ и т. п.)

3 КОНКУРСА

Подписная цена с приложениями и участием в розыгрыше премий:

На один год 8 р. — к.	На три месяца 2 р. 20 к.
На шесть месяцев 4 р. 20 к.	На один месяц — р. 80 к.

Годовым подписчикам, адресующимся прямо в издательство, — рассрочка:
При подписке — 2 руб., к 15-му марта — 2 р., к 15-му июня — 2 р. и к 15 сентября — 2 р.

Подписная цена на один журнал без приложений:

На один год 4 р. 50 к.	На три месяца 1 р. 25 к.
На шесть месяцев 2 р. 30 к.	На один месяц — р. 50 к.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

Все приложения на 1928 г. разбиваются на три отдела: первый отведен спорту, охоте, ознакомлению с родной и чужой землей; второй целиком занят серией книжек «По суше, морю и воздуху»; третий заполнен романами и повестями лучших зарубежных авторов.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ (6 книжек)

Рыболов-любитель. (Увлекательный очерк Лесняка о рыбной ловле, с рядом практических советов и указаний). Озерный край. (Краеведческие очерки СССР. Книжка осветит своеобразие природы и особый уклад жизни нашего озерного края). Наш спорт. (Записная книжка спортсмена на 1928 г.). Современная Америка. (Альбом картин и видов, иллюстрир. жизнь американцев в наше время). Три океана. (История Великого (или Тихого), Атлантического и Индийского океанов, равно как их современное значение в международной жизни). Умелюю рукой. (Что может каждый сделать у себя на дому самыми простыми инструментами).

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

„ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“ (6 книжек)

Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира. В 1928 году в эту серию войдут книжки Флеровского «В страну безмолвия». А. Лебедеико «Великие перелеты». А. Гейе «Он искал приключений». Де-Верс-Стэкпул «У тропиков». Ж. Тудуз «Пробудитель вулканов» и друг.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ (12 книжек)

Увлекательные романы и повести видных европейских писателей

К. Хайн: «Новые приключения капитана Кэтли». (Нашим читателям хорошо известен этот автор, который дает здесь ряд новых приключений своего героя). Э. Грей. На дальнем Западе. (Автор-знаком американской жизни и дает на романическом основе отчетливый образ любопытной и странной для нас жизни). Е. Д. Бингерс. «Дом без ключа». (Детективный роман. В тропической обстановке Гавайских островов разыгрывается увлекательная борьба вокруг загадочн. преступления, убийства). М. Твен. «Янки при дворе короля Артура». М. Твен. Рассказы Г. Флерон. Из жизни зверя. Р. М. Баллантайн. «Коралловый остров». (Приключения трех юношей выброшенных бурей на необитаемый остров).

О ПРЕМИЯХ И КОНКУРСАХ

Все подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

6 велосипедов.	10 столярных наборов.	12 пар лыж.
4 ружья.	10 рыболовных наборов.	12 пар коньков.
4 радио-аппарата.	10 фуфаек и трусинок.	12 электрических фонарей.
10 карманных часов.	10 футбольных мячей.	40 самопишущих перьев.
		60 перочинных ножей.

Все читатели участвуют также в особых КОНКУРСАХ, победители в которых получают:

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИБОРЫ ♦ ПОРТФЕЛИ ♦ КОШЕЛЬКИ-ПОРТМОНЭ
или ДРУГИЕ ВЕЩИ, ПО ИХ ВЫБОРУ.

Заказы и деньги направлять: Ленинград 2, Фонтанка, 57, „ВОКРУГ СВЕТА“